

Лариса Склярук

Книга странствий

роман

Лариса Склярук
Книга странствий

«У Никитских ворот»

2019

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Склярук Л. М.

Книга странствий / Л. М. Склярук — «У Никитских ворот»,
2019

ISBN 978-5-00095-884-1

«Книга странствий» рассказывает о захватывающих приключениях франка Андрэ и его друзей во времена, когда Запад опрокинулся на Восток. О том, как Андрэ отправляется в Землю Обетованную ради освобождения Гроба Господня из-под власти неверных и о причинах, помешавших ему совершить этот подвиг. О его друзьях – юных кипчаках, волею судьбы оказавшихся на рынке рабов Багдада. О героях и подлецах, о жадных купцах и жестоких пиратах, о любви и страданиях, о том, куда в конце концов могут увести дороги скитаний...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00095-884-1

© Склярук Л. М., 2019
© У Никитских ворот, 2019

Содержание

От автора	5
Часть первая	6
Глава первая,	6
Глава вторая,	12
Глава третья,	16
Глава четвертая,	23
Глава пятая,	31
Глава шестая,	38
Глава седьмая,	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лариса Склярук

Книга странствий

От автора

В суматохе, сумбуре, быстроте нашего времени чтение совершенно необходимо. Я не говорю о социальных сетях, где человек не читает, а, скорее, бездумно перепрыгивает с информации на информацию, не в состоянии задержать внимание более чем на пяти строчках. Быстрее, быстрее, до конца, без конца...

Я говорю о КНИГЕ – «единственной хранительнице человеческой мысли и передатчице ее из века в век, из поколения в поколение». И неважно, бумажная она или электронная. Именно книга может помочь в трудную минуту, отвлечь, увлечь, поставить некий заслон между болью и раненым сердцем, скрасить печальные дни.

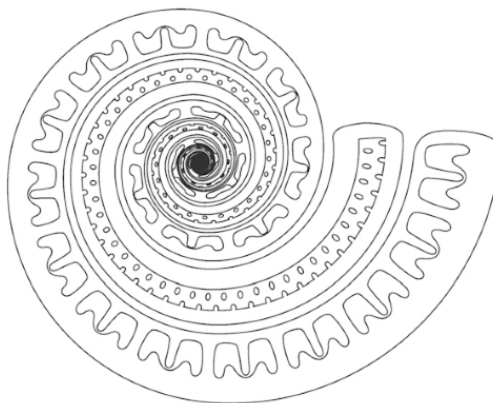
В данном случае я говорю о книгах легкого жанра, способных дать отдых утомленному уму, измученной душе. Люди напряженного умственного труда с упоением читали и читают детективы и приключения: стресс, необходимо снять стресс. И легкий жанр в этом бывает совсем неплохим помощником.

Читатель, книга, которую ты открыл, – приключения. Мне хотелось погрузиться в вымышленный, но и реальный, вернее, возможный мир, создать ярких, великодушных, благородных героев, как во времена Жюль Верна и Роберта Льюиса Стивенсона, вырваться из рутины повседневности.

«Книга странствий» – книга для тех, кто любит приключения, неожиданные повороты судьбы, интересуется историей и благосклонно относится к научной фантастике. Она адресована всем тем, кто романтичен и обладает возвышенной душой, кто мечтает о путешествиях и неизведанных землях, всем тем, для кого слова «дружба», «любовь», «преданность» – не пустой звук.

Часть первая

Стоит лишь выйти из дома...

Глава первая,

в которой читатель впервые знакомится

с некоторыми героями книги и узнает,

к чему иной раз приводит своеволие

Шерсть верблюда была волнистой и мягкой. Она пахла дымом родных костров и степной пылью. Девочка теснее прижалась к теплой шее животного, за которым пряталась. Лежащий на коленях верблюд с высоты своей величественно поднятой головы чуть скосил на ребенка глаза и продолжил равнодушно жевать жвачку, равномерно двигая желтыми зубами.

– Где же мальчишки?

Не обладая в свои шесть лет умением выжидать, необходимым для игры в прятки, девочка приподняла голову так немного, чтобы лишь увидеть, где те, от кого она прячется. Сначала над темно-бурым телом верблюда приподнялась головка в вышитой шапочке, потом – смуглый гладкий лоб и, наконец, – блестящие черные глаза. Этого было достаточно, чтобы себя выдать. И хотя она тут же юркнула вниз, за спину верблюда, цепкий взгляд Джамиля ее заметил.

– Выходи, Гюллер, я нашел тебя! – весело прокричал он. Скорчив недовольную мину на хорошеньком круглом личике, Гюллер вышла из своего укрытия и, намеренно волоча ноги в красных сапожках, медленно пошла к стене юрты. Эти мальчишки сейчас спрячутся, разве она их найдет?

Мальчиков было двое. Быстрый, ловкий, решительный Джамиль, который, даже сидя на войлоке в юрте отца, казался сжатой пружиной. Мгновение – и сорванец вскочит, побежит. Его худое лицо с удлинненными правильными чертами и чуть выступающими высокими скулами сразу привлекало к себе внимание, выдавая нрав независимый и сильный. Горделиво приподнятая голова была красивой формы, а серые, прозрачные, как воды холодного горного ручья, глаза, столь неожиданные у мальчика-степняка при его темной коже и черных волосах, делали его умное лицо еще более запоминающимся. Одет Джамиль был небогато, но аккуратно. Синий

чекмень¹ подпоясан желтым поясом. Ноги ловко обхватывали потертые сапожки, стриженую голову прикрывала невысокая войлочная шапка с острым верхом.

Внешность второго мальчика, Малика, была совершенно иной. Невысокого роста, стройный и смуглый, он обладал утонченной внешностью будущего поэта и красотой сказочного принца. Его большие черные мечтательные глаза под ровными тонкими бровями часто задумчиво смотрели куда-то в лишь ему одному понятную даль, чем несказанно удивляли всех взрослых стойбища и более всего отца мальчика – Джуму.

– О, Аллах! – восклицал он. – За что ты покарал меня, послав такого сына?

Кажется, ни одной черты ни внешнего облика, ни характера Джумы не передалось Малику. Джума был мужчиной плотным, коренастым, мешковатым, с кривыми ногами кочевника, с необузданным, жестоким нравом. А мальчик был похож на свою мать, красавицу Бегюль, и это почему-то не добавляло любви к сыну со стороны Джумы.

Но вернемся к мальчикам. Они были ровесниками, и им пошла одиннадцатая весна.

Подойдя к стене юрты, Гюллер прислонилась лбом к серому войлоку. Звякнуло монисто из серебряных монет. Войлок пах почти как бок верблюда – пыльной шерстью и дымом. За спиной девочки раздался приглушенный топот быстрых ног, и наступила тишина. Выждав несколько минут, Гюллер повернулась и начала не спеша, не отходя от юрты, осматривать окрестности.

В образованной песчаными холмами небольшой долине стояло больше десятка юрт – черных, серых и даже одна белая. Перед юртами, присев на корточки у костров, готовили еду женщины. Довольные солнечным днем, неподвижно лежали огромные лохматые псы. Положив широкие лобастые головы на передние лапы, они наблюдали за порядком сквозь сонно прикрытые веки, готовые при любой опасности моментально вскочить и поднять лай. Дальше в весенней степи живописно и привольно разбрелись верблюды.

Гюллер сделала несколько шагов вправо. Мальчиков не было видно. Тогда она пошла в противоположную сторону. Никого. Завернула за юрту. Раздался топот, смех, и, промчавшись мимо девочки, сорванцы прижались к стене юрты.

– Все, я не играю! – выкрикнула девочка и, обиженно сев на землю, обхватила колени, натянув на них подол своего свободного красного платья.

– Почему? – удивился Джамиль. – Ведь все было честно.

– Честно?! – тряхнула головой Гюллер, и ее серебряные серьги задрожали. – Я маленькая, а вы большие. У вас вон какие ноги – длинные, как у верблюдов.

– Ладно, поиграем во что-нибудь другое, – примирительно сказал Джамиль.

– Лучше пойдете в степь. Там сейчас красиво. Тюльпанов нарвем, – предложил Малик.

Обрадованная Гюллер тут же вскочила на ноги, но, вспомнив, что мать запретила ей уходить далеко от юрты, нерешительно затопталась на месте.

Весенняя степь манила. После долгой, холодной зимы, проведенной в полумраке юрт, детям хотелось побегать среди широкого простора, полного свежего ветра, будоражащих запахов цветущих трав. Видя нерешительность девочки, Джамиль скомандовал:

– Далеко не пойдем. Сразу как позовут, вернемся.

Похвальное решение не отходить далеко вскоре было забыто. Небо, тщательно вымытое зимней непогодой, было ярко-синим, без единого пятнышка. В его бездонной глубине плавно парили орлы, зоркими глазами высматривая добычу. Тюльпаны, послушные легкому ветру, приветливо покачивали своими небольшими красными головками. Симпатичные суслики при приближении детей застывали желтыми столбиками и, издав пронзительный свист, кубарем исчезали в норах. Тушканчики легко взлетали на крутые барханы, используя как руль свои длинные хвосты с черно-белой кисточкой на конце.

---

¹ Чекмень – верхняя одежда, что-то среднее между халатом и кафтаном.

Дети бегали за порхающими бабочками, пытались ловить быстрых крапчатых ящерок, щекотали палочками ушастого азиатского ежа, недовольно шипящего на них и не желающего сворачиваться в клубок.

Гюллер утомилась первой. Она присела на пригорок, покрытый травой, и стала плести венки. Медленно и задумчиво бродил Малик. И лишь неуютимый Джамиль бегал кругами, подражая молодому жеребцу.

Внезапно неясная тревога заставила мальчика резко остановиться. Его смутило лицо Гюллер. Девочка продолжала сидеть на пригорке, но руки ее не двигались, незаконченный венок лежал на коленях. Подвижное лицо шалуньи заметно побледнело и застыло. Глаза расширились, округлились и, не отрываясь, смотрели на куст, растущий перед ней.

– Эй, Гюллер, что с тобой? – крикнул Джамиль. Девочка не ответила, не повернула головы. Не отрывая взгляда от лица девочки, Джамиль стремительно пошел к ней. Его ноги мягко шуршали в траве. За спиной слышались шаги Малика.

Небольшая фигурка девочки каменной неподвижностью напоминала статую. Лишь черные, до краев наполненные ужасом, глаза и голубая жилка, бешено пульсирующая на виске, говорили о том, что она жива. Куст перед девочкой скрывал причину ее страха. Джамиль сделал несколько шагов в сторону и увидел, наконец, то, что напугало Гюллер.

С корявых веток куста в сторону девочки медленно сползала крупная, не менее полутора метров в длину, змея. У нее была притупленная голова с резко выступающими височными углами, что делало ее похожей на заржавленный наконечник копья, и сероватое мускулистое тело с вытянутыми оранжевыми пятнами.

У Джамиля не было никаких сомнений – гюрза, самая страшная, самая ядовитая азиатская змея. Видимо, она выбралась из норы, голодная после зимовки, и затаилась на ветке, поджидая птиц. Потревоженная присутствием девочки, змея сползла с куста и медленно сворачивалась в кольца в такой близости от Гюллер, что у Джамиля похолодело сердце. Гюрза могла ударить в любую секунду. От ее укуса человек умирал в жутких мучениях.

Малик рванулся к Гюллер. Джамиль едва успел ухватить его за край чекменя:

– Стой на месте! Не шевелись! Любое неосторожное движение – и змея укусит Гюллер.

– Может, подкрасться и схватить ее за голову, как змеелов Хасан? – нерешительно проговорил Малик.

– Не хватит сил удержать, – покачал головой Джамиль, стараясь унять гулко стучащее сердце. – Змея все равно сможет укусить, прокусив при этом собственную нижнюю губу.

– Что же делать? Как же нам спасти Гюллер?

Время словно остановилось. Жизнь Гюллер повисла на волоске. Девочка смотрела на затаившуюся смерть и, казалось, даже не решалась дышать. Не шевелились и мальчики. Обманчиво неподвижным было и пестрое тело гюрзы. С плоской, словно придавленной головы, не мигая, смотрели на Гюллер стальные, оловянные глаза. И лишь степной весенний ветер был безрассудно смел. Налетая внезапно, он раскачивал траву, среди которой лежала змея, бесстрашно скользил по ее скользкой коже, бесцеремонно шевелил волосы девочки, навевая их на бледное лицо, охлаждал вспотевшие от страха черные стриженные головы мальчиков.

– Стой здесь, – сильным шепотом приказал Джамиль и решительно пошел к гюрзе. Свернувшаяся кольцами змея при его приближении повернула голову. Ее холодные глаза разглядывали врага. Джамиль глубоко вдохнул, осторожно сделал еще один шаг и резко взмахнул рукой в сторону змеи. Издав громкое угрожающее шипение, гюрза, как развернувшаяся пружина, сделала молниеносный бросок на всю длину своего тела. Джамиль едва успел отскочить в сторону, чудом избежав укуса. Голова змеи находилась теперь на том месте, где за долю секунды до этого была нога мальчика. Этим прыжком она отделилась от Гюллер, но была недостаточно далеко, и, если девочка шевельнется, гюрза может сделать прыжок в ту сторону и ударить ее. Значит, опасность не миновала.

Облизав внезапно пересохшие губы, Джамиль еще раз раздражающе махнул рукой перед змеей, заставив ее совершить новый прыжок. Третий раз дразнить змею он не решился, да в этом и не было необходимости. Малик, подскочив к застывшей девочке, схватил ее за руку и потянул за собой.

Перепуганные дети понеслись, не разбирая дороги. Когда, отбежав подальше от опасности, они, наконец, остановились, то почувствовали, что степь утратила для них всю свою привлекательность. К тому же оказалось, что они незаметно для себя так далеко ушли от стойбища, что теперь не могли сразу решить, в какую сторону надо идти, чтобы вернуться.

– Хочу к мамочке! – громко заплакала Гюллер, и крупные слезы потекли по ее круглому личику. Равнодушно перелетали с цветка на цветок яркие бабочки, равнодушно посвистывали суслики, равнодушно продолжали парить в синем небе орлы. Никому не было дела до испуганных детей.

В это время Балджа, мать Гюллер, окончив готовить еду, позвала дочь. Та не ответила. В поисках дочери Балджа, невысокая полная женщина с коротковатыми ногами, обошла все маленькое селение. Девочки нигде не было. Гюллер была единственной и горячо любимой дочерью. Балджа подняла тревогу. Обыскав селение, все поняли, что пропала не только Гюллер, но и Джамиль с Маликом.

Прошел полдень. День повернул к вечеру. Из пустыни подул холодный ветер. Обеспокоенные мужчины собирались разъехаться по степи в поисках пропавших и уже седлали лошадей, когда на вершине холма появились дети. Они постояли, разглядывая селение, собравшихся жителей и начали спускаться.

В первое мгновение у Балджи оборвалось сердце – ей показалось, что детей только двое. Она в испуге поднесла руку ко рту, готовая закричать, и тут ее глаза нашли дочь.

Девочку нес на спине Джамиль. Измученная и заплаканная Гюллер обхватила руками шею мальчика и положила голову на его плечо. На шаг позади Джамиля плелся Малик. Он словно не торопился, вполне справедливо решив, что получить наказание никогда не поздно. Обрадованная Балджа поспешила навстречу детям, схватила на руки дочь, громко запричитала, целуя замурзанное личико малышки:

– Цветочек мой ненаглядный, звездочка моя ясная, жеребеночек мой быстрый! Зачем ты пошла с этими озорниками и неслухами? Чему хорошему ты можешь у них научиться?

Отдав девочку, Джамиль устало остался стоять на месте, ожидая, что скажут насупленные мужчины.

– Кто придумал пойти гулять в степь? – грозно спросил Саламгулы, отец Гюллер.

Саламгулы был самым богатым в стойбище. Табуны его коней ходили в округе, овцам его не было числа. Юрта его была белой, большой и нарядной.

– Я, – быстро ответил Малик, опустив голову и глядя исподлобья: видимо, он готовился к этому ответу всю дорогу. – Я всех сманил, и я виноват.

– Никто меня не сманивал, – гордо сказал Джамиль, вскинув голову и сделав шаг вперед, – это ишака манят, и он идет. А я сам решил, сам пошел, сам отвечать буду.

По худому, умному лицу Расула, отца Джамиля, пробежала довольная улыбка: сын горд и независим. Это хорошо.

– Не надо их наказывать – они спасли меня от гюрзы! – закричала Гюллер и быстро поведала о встрече со змеей, думая, что теперь, после ее рассказа, мальчики будут выглядеть как богатыри, совершившие подвиг.

Но ее рассказ лишь испугал взрослых. Балджа, все также причитая, потащила дочь в юрту. Следом за хозяйкой, вторя ей и испуганно подвывая в ожидании наказания за недосмотр, поплелись две худые рабыни. Саламгулы похлопал плеткой по голенищу своего сапога, рассматривая стоящих перед ним мальчиков, но, ничего не сказав, отправился ужинать.

Джума же в первую минуту похолодел при мысли о том, что по вине Малика могла погибнуть дочь Саламгулы. Затем кровь бросилась ему в голову, сделав постоянно красное лицо бордовым. Желтые глаза недобро вспыхнули. Оскалив крупные зубы, Джума взмахнул камчой². Малик отшатнулся, попятился и, повернувшись, поспешил к своей юрте. За сыном понуро пошла Бегюль с грудным младенцем на руках и в окружении трех маленьких девочек разного возраста, цепляющихся за ее широкое платье.

Не так и давно, каких-нибудь десять лет назад, слава о красавице Бегюль разносилась по всей бескрайней степи, передаваясь от селения к селению. Как быстро исчезли красота, девичье радостное ожидание, молодая безудержная смешливость! Жизнь со вспльчивым, недобрим Джумой, ежегодные роды, забота о большой семье преждевременно состарили женщину: Бегюль стала тихой, замученной, забитой. И лишь имя ее – Бегюль, что значит «роза», напоминало о былом.

Женщина знала – ничто не остановит взрыв бешеной свирепости мужа. Ударами гибкой, сплетенной из кожаных полос камчи будет наказан не только сын, но и она.

Вслед за ними к юрте Джумы поспешила галдящая ватага детей. У юрты был приподнят и подвернут край войлока, чтобы сквозь деревянную решетку весенний ветер свободно обдувал помещение, а хозяева могли обозревать окрестности.

Ребягня радостно и по-детски бездумно облепила решетку, словно предполагаемое зрелище было не наказанием, а театральным представлением. Черные глазенки блестели, покрасневшие на ветру носы с шумом втягивали текущие сопля, а те, что не хотели втягиваться, просто слизывались языком, потому как грязные руки, в царапинах и цыпках, были заняты – они держались за дерево решетки.

– Пошли вон! – рассерженно закричал Джамиль, оскорбленный этим вниманием, бросаясь разгонять любопытных. Он хотел вбежать в юрту и встать рядом с Маликом.

– Остановись, Джамиль! – приказал Расул. – Ты не можешь мешать отцу воспитывать сына.

– Но за что?!

– Каждого из нас испугал рассказ Гюллер. Но все разные. Балджа будет весь вечер держать Гюллер в юрте. Джума накажет Малика и так выплеснет свой страх.

– Он не имеет права.

– Имеет. Разве домулла в мактаби³ не дает вам подзатыльники, не учит палками по подошвам ног?

– Но ведь Вы, отец, никогда меня не наказывали.

– Это правда. Я считаю, чтобы вырастить мужчину, не надо ранить его гордость и унижать побоями.

Джамиль несколько секунд смотрел в строгое лицо отца, обдумывая услышанное. Потом шагнул к нему, на мгновение прижался лбом к его высокой, сухощавой, подтянутой фигуре и тут же отступил назад, боясь показаться отцу слабым. Но голос его был полон восхищения и любви, когда он сказал:

– Вы самый лучший отец.

Расул приподнял руку и ободряюще похлопал сына по плечу.

...Солнце опустилось за горизонт. За простой черной юртой Расула на подсохшей земле сидели Джамиль и Малик.

– Больно? – спросил Джамиль, глядя на плечи Малика. В этом месте чекмень был, словно бритвой, буквально пропорот резкими ударами плетки.

---

² Камча – плетка, сплетенная из тонких ремней.

³ Домулла – учитель в старой мусульманской школе. Мактаби – мусульманская начальная школа в странах Востока.

– Нет, – угрюмо ответил Малик. Он все время ежился, видимо, стараясь, чтобы одежда как можно меньше касалась избитых частей тела.

– Тетушку Бегюль тоже бил? – спросил Джамиль.

Малик кивнул.

– Ее-то за что? – возмутился Джамиль.

– Говорит, одних девчонок рожать умеешь, – нехотя объяснил Малик.

– Девочки – это хорошо, – неуверенно сказал Джамиль и, отвечая на недоуменный взгляд Малика, добавил: – Ну, за девочек калым дадут. Разбогатеет.

Сидя плечом к плечу, два друга замолчали, обдумывая своеобразный склад ума кочевников. Почему если девочки приносят в семью богатство, все радуются рождению мальчика, для будущей женитьбы которого иная семья с трудом десятилетиями собирает деньги на калым?

Гасла заря, окрашивая последними розовыми лучами сизый небосклон. В густой синеве постепенно темнеющего неба засветились звезды. Долгий день весны 1090 года неспешно заканчивался.

Глава вторая, в которой читатель отправляется на север Франции и знакомится еще с одним героем книги

Тусклый свет проник в комнату сквозь небольшое окно, заклеенное промасленной бумагой, и осветил ее более чем скромную обстановку. Стены, выстроенные частично из глины, частично из мелких камней и укрепленные бревнами, были темного цвета. Причиной этому было время, но в еще большей степени – очаг в углу комнаты, грубо сложенный из камней. Когда в очаге горел огонь, то предполагалось, что дым будет выходить в небольшое отверстие, проделанное в крыше. Но часто порывы резкого ветра мешали правильному устремлению дыма в небо, и тогда он серыми клубами просто расходился по комнате и покрывал все предметы слоем сажи. В вечернее время и в непогоду комната освещалась красноватым светом еловых лучин, также добавлявших свою долю копоти в черноту стен и низко нависшего потолка.

С двух сторон очага, придвинутые к стене, стояли деревянные скамьи с низкими спинками и неказистыми, но толстыми устойчивыми ножками. Обстановку довершала столешница, два табурета из обрубков дерева и небольшая полка для оловянной посуды, прибитая рядом с очагом. Земляной пол жилища, политый водой и чисто выметенный, все же был весь в неровностях и мелких ямках, оставленных копытцами козы с козленком, живших в зимние холода вместе с людьми.

В глубине комнаты, прижатая боком к стене, находилась лестница, по которой можно было подняться на второй этаж в еще одну комнату дома. Поднимаясь по крутым ступеням из необструганного дерева, вы видели сквозь них стоящий под лестницей большой деревянный сундук, для прочности обитый по углам полосами железа. На чуть выпуклой крышке сундука лежал плоский матрас, набитый соломой, и покрывало из желтоватых кусочков бараньих шкур, сшитых веревками, распространявшее кисловатый запах необработанной кожи.

Обладатель этого «роскошного» ложа находился тут же, в комнате. Это был высокий, статный мужчина лет двадцати. Его симпатичное лицо с крупными чертами в обрамлении густых русых волос привлекало своей непритворной искренностью. В голубых ясных глазах светился ум, говорящий о глубине его внутреннего мира и философском складе характера.

Юноша сидел возле окна и сосредоточенно работал. И хотя его сильные, ловкие руки двигались умело, быстро и, главное, привычно, постороннему взгляду показалось бы удивительным, что человек с внешностью героя рыцарских баллад выполняет не соответствующую такой внешности работу.

Дело в том, что Андрэ – так звали молодого человека – мирно ткал. Но при этом лицо его не было спокойным или сонно задумчивым, как можно было ожидать при такой работе. Напротив, глаза его были печальны, а симпатичное, хотя и бледное лицо полно уныния, совсем не вязавшегося с его добротой и открытостью.

Андрэ напряженно раздумывал о своей судьбе, и она ему виделась незавидной.

Оставшись сиротой в раннем возрасте, Андрэ был лишен и материнской ласки, и отцовской заботы. Матери он не помнил и остро переживал ее отсутствие в своей памяти. Лишь иногда в его снах появлялась женщина, лица которой он не мог различить, но которая, приблизившись, ласково гладила мальчика по голове. Он ясно ощущал прикосновение легкой руки и был полон уверенности, что это рука его матери. В этот момент Андрэ испытывал необыкновенное, неземное блаженство, и, боясь вновь остаться в одиночестве, он начинал молить женщину не уходить, не покидать его, до боли в груди всматривался в неясное лицо. Казалось, еще мгновение этой муки напряженного всматривания – и мутный туман, загораживающий, стирающий черты, рассеется: он, наконец, увидит лицо своей матери, обязательно сказочно

прекрасное. Но это мгновение никогда не наступало: женщина молча проскальзывала сквозь пытающиеся схватить ее руки мальчика, уплывала вдаль и исчезала. Ее образ так никогда и не прояснился. Андрэ просыпался с мокрым от слез лицом и недетской тоской в сердце.

Единственный родной человек, который был по-своему к нему привязан и который хоть как-то о нем заботился, был его старший брат Бастиан. Когда Андрэ исполнилось восемь лет, Бастиан отдал его монахам в монастырь. Три года провел мальчик в монастырской школе. Монахи научили его читать по-латыни, письму, счету, церковному пению. Предполагалось, что Андрэ станет монахом, но неожиданно Бастиан забрал его.

С той поры прошло много лет. Бастиан женился, у него появились дети. Но Андрэ продолжал жить в семье брата, хотя с некоторых пор опека старшего брата, становясь день ото дня все навязчивей и тягостней, стала вызывать в юноше неясную тревогу. Казалось, старший брат старался оградить младшего от всего, особенно от друзей, которые, по словам Бастиана, полны пороков и если чему и могут научить, так только бездельничать, празднично шататься и пьянствовать, и от девушек, у которых лишь одна цель – соблазнить юношу, а затем женить его на себе.

Рассуждая таким образом, Бастиан делал вывод, что избежать людских пороков и опасных связей можно лишь дома, за ткацким станком. Именно здесь ничто не угрожает неопытной душе. И Андрэ был вынужден работать, не разгибая спины, задыхаясь в душной атмосфере жилища. В его голове беспрестанно роились смутные, еще не оформившиеся мысли. Они тревожили его днем, не давали уснуть ночью. Андрэ страстно хотел поменять свою однообразную, унылую жизнь, но пока он не знал, как это сделать, а потому не находил в себе необходимой для этого решимости.

Шум на улице вернул Андрэ из грустных раздумий к действительности. Он слегка мотнул головой, отгоняя непрошенные мысли, встал, едва не задев головой деревянный потолок, потянулся, разминая затекшие суставы, и только сделал шаг в направлении двери, как та открылась, и в дом вошло несколько человек.

Первой легко и быстро вошла худенькая, хрупкая женщина, Сесиль – жена Бастиана. Ее продолговатое миловидное лицо освещалось чуть виноватой, застенчивой улыбкой. На бледном лице голубели глаза в окружении пушистых светлых ресниц. Кусок полотна закрывал лоб, обхватывал щеки, проходил под подбородком и, завязанный на макушке, полностью скрывал волосы женщины.

Следом за матерью вбежали племянники – семилетний Жюль и пятилетняя Адель, оба светловолосые и светлоглазые.

Войдя в дом, Сесиль вытащила озябшие ладони из боковых пройм сюрко⁴, куда она их спрятала от прохладного ветра на улице, развела руки в сторону, как делает человек, когда удивляется, и проговорила мягким, певучим голосом:

– Что же ты сидишь, Андрэ? Выйди, посмотри, что творится на улицах.

И действительно, ранней весной 1096 года тихий городок Н. шумел, как потревоженный улей. Владелец замка Филипп Девусьон объявил о помолвке своей дочери, красавицы Изабеллы, с бароном Теодором де Морель. По случаю столь важного события устраивался рыцарский турнир, призванный украсить и сделать надолго запомнившимся семейное торжество. Десятки рыцарей в окружении оруженосцев, пажей, слуг заполнили город: ведь чем больше свита, тем важнее феодал.

Вскоре и в замке, и в городе не осталось места для всех желающих. Ряды разноцветных шатров и палаток выросли даже за городскими стенами. А в город вслед за великолепными сеньорами нахлынули торговцы, менялы, бродячие актеры. Звуки труб и рогов, звон церков-

---

⁴ *Сюрко* – вид средневековой одежды: просторный плащ, сшитый по бокам, чаще без рукавов, с широкими проймами. Мужское сюрко было коротким, женское – длинным.

ных колоколов, бряцание оружия, стук копыт, гомон толпы разогнали сонную одурь маленького городка. Всех охватило радостное возбуждение.

– Пойдем, пойдем смотреть жонглеров! – запрыгал Жюль вокруг Андрэ, дергая того за руку.

Андрэ вновь шагнул к двери, и вновь ему помешали, на этот раз окончательно. Дверь открылась и впустила еще одного обитателя дома – Бастиана. Это был крепкий, несколько полноватый мужчина среднего роста, с крупным, гладко выбритым лицом.

На первый взгляд, братья были похожи: та же светлая кожа, те же русые волосы и голубые глаза. Но главным в лице Андрэ была доброта, а в лице Бастиана – привычное и плохо скрываемое раздражение. Сразу с порога, голосом, не допускающим возражений, мужчина объявил:

– Незачем бесцельно бродить по улицам. Завтра успеем все и всех рассмотреть. А сегодня надо работать.

Андрэ очень хотелось пройти по улицам, потолкаться возле выставленных в окнах домов щитов участников завтрашнего ристалища, внимательно разглядеть доспехи, мечи, длинные копья, обсудить шансы на победу каждого из рыцарей, да и просто послоняться среди горожан, которые на радостях, в ожидании турнира, побросали все свои дела и веселыми толпами бродили по узким, грязным, но оживленным улицам, запруженным повозками, лотками, крикливыми торговцами, выхваляющими свой товар.

Но спорить Андрэ не стал. Он, впрочем, как и всегда, повиновался старшему брату. В ответ на разочарованный взгляд Жюля Андрэ чуть виновато пожал плечами, погладил мальчика по белокурой головке и вернулся к своему месту за станком, поставил ноги на подножки, взял в правую руку челнок с утком. Быстро задвигались ремизки⁵, застучал батан⁶. Полотно начало наматываться на валик.

Бастиан обвел торжествующим взглядом жену и детей. Беспрекословное повиновение младшего брата льстило его самолюбию. К тому же Андрэ работал исключительно быстро. И хотя вслух Бастиан никогда этого не говорил, он прекрасно понимал, что доходы от работы Андрэ составляют большую часть семейного бюджета. Это была главная причина, по которой Бастиан считал своим долгом держать младшего брата в строгости и не позволять ему никаких вольностей.

Сесиль растерянно потопталась на месте, не одобряя ни слов мужа, ни его поведения, и жалея расстроенного сына, но ничего не сказала. Женщина подтянула спереди подол своего платья так, что стали видны полосатые чулки, и начала разводить огонь в очаге.

Сесиль корбило неуместное торжество мужа, его несправедливость в отношении Андрэ. Несколько раз она пыталась поговорить с Бастианом, объяснить ему, что его давление на брата чрезмерно, но муж был слишком самоуверен. Он считал невозможным для себя прислушаться к словам женщины. Человек своего времени, Бастиан утверждал, что физическая слабость женщин прямо сказывается на их умственных способностях. К тому же каждая женщина была великой грешницей и коварной искусительницей. Разве, послушав ее однажды, мужчина в лице Адама не был изгнан из Рая?

– Именно ты соблазнила того, кого не сумел соблазнить дьявол, – восклицал Бастиан, повторяя слова Тертуллиана⁷, этого средневекового женоненавистника. – Исправление твоей вины стоило жизни Сыну Божьему.

---

⁵ *Ремизка* – деталь ткацкого станка, состоящая из двух планок. Перемещаясь вверх или вниз, поднимает или опускает нить основы.

⁶ *Батан* – один из механизмов ткацкого станка, обеспечивающий правильное движение челнока.

⁷ *Квинти Септимий Флоренс Тертуллиан* – один из наиболее выдающихся раннехристианских писателей.

Такими словами и обвинениями встречал Бастиан все робкие попытки Сесиль вступить за Андрэ. Его голос при этом гремел, рокотал, сотрясал атмосферу дома, и тихая женщина, пугаясь, замолкала.

Глава третья, в которой Андрэ принимает важное решение, изменившее его жизнь

Мрачный серый замок барона Филлипа Девусьона, расположенный на высоком холме, словно властвовал над округой. Его массивные каменные стены, круглые толстые угловые башни казались вросшими в землю, настолько они были приземисты и тяжеловесны. Глубокие бойницы в стенах, узкие проемы редких окон – все говорило о том, что строители заботились не о красоте, уюте или удобстве обитателей: главными были надежность и неприступность. И это им вполне удалось: окруженный глубоким рвом, замок выглядел, как суровый воин, вызывающий с первого же взгляда трепет и уважение.

Розовый луч восходящего солнца коснулся края высоких зубчатых стен замка, и сразу со стены протрубил рог, возвещавший наступление утра. И, словно в ответ на долгожданный сигнал, над городскими крышами потянулись в холодное мартовское небо тонкие струйки серого дыма. Расторопные хозяйки начали разводить огонь, готовя еду. Все спешили позавтракать и отправиться за город.

Местность вокруг городских стен была очень красива. На пологих холмах сквозь сухую прошлогоднюю траву старательно пробивались острые стрелы новой, ярко-зеленой. Пощипывая травинки, живописно разбрелись тощие после зимы овцы. Внизу, между холмами, крепко вцепились корнями в землю столетние дубы. Раскинув кроны, они протягивали к солнцу корявые, изогнутые ветви, покрытые набухшими почками.

По лазурному мартовскому небу медленно плыли серовато-белые облака. Когда они наплывали на солнце, все вокруг тускнело, а налетающий в это время ветер казался обжигающе ледяным. Но весеннему солнцу удавалось быстро освобождаться от пушистых облачных покрывал, и оно принималось светить столь опьяняюще горячо, словно стремилось наверстать упущенное. Тогда ветер терял свой холод и игриво развеивал разноцветные стяги, вымпелы, перья на шлемах. Под яркими лучами сверкали латы рыцарей, которые прислуга всю ночь катала по улицам в бочках с песком, добываясь ослепительного блеска.

В ожидании начала турнира разомлевшие от тепла зрители беспечно толкались возле лотков торговцев снедью, плотным кольцом окружали жонглеров, без искусства которых не обошелся ни один праздник, восхищенно ахали, глядя на танцующего медведя. Андрэ с Жюлем уже обошли все эти развлечения и теперь заняли места среди таких же, как они, простолюдинов, возле двойного забора, ограждавшего место поединка.

По другую сторону ограждения были устроены деревянные ложи, предназначенные для знатных сеньоров и дам благородного происхождения. Эти ложи были в избытке застланы коврами и задрапированы пестрыми тканями. Простолюдины с жадным интересом рассматривали и устройство лож, и одеяния господ.

В те времена Европа еще не знала восточных тканей с золотыми или серебряными переплетениями. Одежда знати, как женская, так и мужская, шилась из гладкокрашеного полотна, но цвета были яркими, звучными и радовали глаз всеми оттенками кармина⁸ – от розового до бордового, зеленым, белым, ярко-синим цветом.

С достоинством прошла на приготовленное для нее место Изабелла Девусьон. Ее белая накидка, отделанная благородным мехом, удерживалась на плечах двумя аграфами⁹ из дра-

---

⁸ *Кармин* – природный красный краситель, добываемый из телец насекомого, именуемого кошенилью.

⁹ *Аграф* – нарядная пряжка или застежка.

гоценных камней. Жарко вспыхнули, переливаясь, темно-красные гранаты в золотом венце, украшающем ниспадающие свободной волной светлые волосы девушки.

Как и все присутствующие, Андрэ следил за юной красавицей, не в силах отвести зачарованный взгляд. Но Жюль, со свойственным детям эгоизмом, не мог позволить кому-то, кроме себя, владеть вниманием Андрэ и, бесконечно дергая юношу за руку, задавая самые неожиданные вопросы, быстро «излечил» того от очарования.

– А почему дамы не хотят занять это место? Оно ведь самое красивое, – спросил Жюль, показывая на свободную, роскошно убранную ложу под алым балдахином.

– Да нет, они хотят, очень хотят, – улыбнувшись, возразил Андрэ, – но это ложа для королевы турнира, а ее имя пока никто не знает.

– Почему?

– Имя королевы должен назвать победитель.

– А кто будет победителем?

– Им будет тот, кто преломит больше копий, выбьет из седла больше рыцарей, но сам в седле усидит.

– А-а, – Жюль открыл рот, чтобы продолжить свои вопросы, но, утомленный его дерганьем, Андрэ прервал мальчика:

– Тсс, помолчи. Дай послушать герольда.

В это время двое молодых мужчин подошли и остановились в некотором отдалении от Андрэ. Один из них был высок ростом, худ, костляв. Spина, изогнутая вопросительным знаком, нелепо выдвигала вперед тонкую длинную шею с небольшой головой. Из-под войлочной шляпы свисали редкие пряди сальных волос. Весь облик тощего Гентольда являл собой символ грусти и меланхолии.

Второй подошедший был полной противоположностью Гентольда, как внешностью, так и темпераментом характера. Живое, подвижное лицо Эрмона с заостренным подбородком и желтыми плутовскими глазами напоминало веселую лисью мордочку, высывающуюся из кустов. Уголки тонких подвижных губ таили бездну лукавства и постоянно ухмылялись. Разговаривая, Эрмон помогал своему красноречию быстрыми жестами рук, дерганьем плеч, покачиванием ног.

Вместе с Гентольдом они являли интересную пару, и частенько можно было наблюдать такую картину: тощий, высокий, изогнутый Гентольд, по-птичьи склонив набок голову, внимательно и молча смотрит, как невысокий Эрмон без усталости говорит и жестикулирует. При этом на худом лице Гентольда читалось удивление чужой неумейной энергией.

– Ущипни меня, Гентольд! – насмешливо воскликнул Эрмон, подталкивая приятеля. – Наверное, я сплю, и во сне мне привиделся знакомый нам Андрэ, свободно разгуливающий за воротами города. Неужели молодого бычка отпустили погастись на зеленый лужок? Ай-я-яй, какая неосторожность со стороны Бастиана! Ведь могут же появиться такие свирепые волки, как мы с тобой, которые утащат дурачка, то бишь бычка, в темную чашу людских пороков.

Андрэ быстро повернулся к говорившему и широко улыбнулся, показав ряд белоснежных зубов.

– Скажи мне, Гентольд, что я ошибаюсь, – продолжал между тем Эрмон, преувеличенно жестикулируя, завывая на гласных звуках, закрывая глаза, словно говорил драматический монолог. – Где же стражники, охраняющие невинную душу? Неужели этому юному отроку дозволено сегодня быть пастухом безропотного тельца, приносящего звонкие золотые монеты? – и Эрмон, выбросив вперед руку, указал ею на Жюля.

Тот, ничего не поняв из слов Эрмона и не оценив театральные завывания последнего, в ответ громко шмыгнул носом, а затем с помощью указательного пальца стал сосредоточенно заниматься его очищением.

– Тьфу, Жюль, ты явно не блещешь благородством происхождения, – дернув плечом, чуть обиженно проговорил Эрмон, прекратив монолог.

Тут раздался хриплый голос Гентольда, который, в отличие от Эрмона, говорил медленно, словно боялся тратить свои жизненные силы, а потому никогда не говорил лишних слов, всегда выхватывая самую суть.

– Из подвалов замка выкатили огромную бочку с вином. Мы направляемся туда. Не мешало бы мне промочить горло. Пошли с нами, Андрэ.

Продолжая улыбаться, Андрэ тут же согласно кивнул головой и шагнул вперед, готовый идти. Но шагнув, он стремительно и непроизвольно оглянулся, словно удостоверился, что за его спиной нет Бастиана, и никто его не остановит. Это быстрое оглядывание, конечно же, не укрылось от острых глаз Эрмона.

– О-хо-хо, – укоризненно покачал он головой, – можно подумать, что ты – раб Бастиана, а не его брат. Впрочем, даже рабам дают день отдыха. Что ж, осмотрелся ты предусмотрительно, а теперь пойдём, дружище, и пусть игривое вино развеселит нам сердца.

Из подвалов замка действительно выкатили бочку, правда, не столь огромную, как утверждал Гентольд, но к тому моменту, когда приятели подошли, в ней еще оставалось достаточно влаги. Толстый, неповоротливый виночерпий, на мягком лице которого сизой виноградиной торчал нос, наполнил приятелям оловянные чаши. Эрмон при этом по-хозяйски на него покрикивал: «Полней! Наливай полней! Наливай до краев!», чем несказанно разозлил виночерпия. Качнув лысой головой и скривив пухлые губы пьяницы, тот даже вознамерился огреть Эрмона кувшином по вертлявой спине, но это ему не удалось по причине неповоротливости. Пока он размахивался, Эрмон, отскочив на недостижимое для кувшина расстояние, уже приплясывал, выдвывая ногами в туго обтянутых штанах и башмаках с длинными острыми носами нелепые па.

Приятели присели на подсохшую траву на небольшом пригорке. Жюль, получивший горячую овсяную лепешку, жадно откусывал большие куски, рискуя подавиться. Гентольд, неодобрительно поглядывая на мальчика, осторожно отпил из своей чаши и неспешно заговорил:

– Вчера на рынок приехали продавать масло крестьяне из деревни А. Так они все божатся, что собственными глазами видели, как по небу плыли тучи.

– Эка невидаль – тучи на небе! – хохотнул Эрмон.

– Невидаль? Да ты дослушай сначала, – обиделся Гентольд и добавил мстительно: – Наш священник говорит, что смех есть осквернение рта.

Впечатлительный Жюль застыл с открытым ртом, не дожевав куска. Андрэ молча отпивал вино, наблюдая за Эрмоном. Тот сделал вид, что слова Гентольда произвели на него сильнейшее впечатление, задумчиво почесал в затылке, развел руками и сказал:

– Придется прополоскать рот.

– Тьфу, богохульник! – улыбнулся Гентольд бледными губами. – Ну что ты будешь с ним делать?

– Да ты рассказывай, – поторопил Андрэ, и Гентольд продолжил:

– Так вот, тучи почему-то надвигались с двух сторон. Одни шли с востока, а другие – с запада. Никто никогда такого не видывал. И были эти тучи не белые и не серые, а алые, как если бы их в кровь окунули. Во всей деревне собаки завывали, так завывали, что у жителей просто мороз по коже прошел. А когда тучи столкнулись, раздался жуткий грохот, засверкали молнии, и в наступившей затем тишине все слышали звуки далекой битвы. Звенел металл, ржали кони, кричали люди. Ты смеешься?

– Да я что, я ничего, – пробормотал Эрмон, потрясенный рассказом.

– Это явное знамение, – хрипло сказал Гентольд, перекрестившись.

– Какое знамение? Чего знамение? – испуганно воскликнул Жюль.

– Бить великих между Западом и Востоком, – продолжил Гендольд, погрозив кому-то костлявым указательным пальцем.

У слушавших его перехватило дыхание. Эта животрепещущая тема волновала весь католический мир.

Но тут раздавшийся сигнал возвестил начало турнира, и все заторопились, жажда увидать зрелище. Вокруг ристалища¹⁰, обильно посыпанного песком, теснилось так много народа, что друзьям с трудом удалось протиснуться к ограждению. А чтобы Жюлю в толпе не отдавили ноги, Андрэ посадил его себе на плечо.

С двух сторон поля ждали сигнала два конных отряда. Горячились красавцы кони, покрытые яркими шелковыми попонами, сияли позолоченные уздечки, сверкала броня и шлемы.

Закрывшись щитами, выставив вперед прижатые к бедру копыта, всадники помчались навстречу друг другу. От ударов копыт заколыхалась, задрожала земля, как в настоящей битве. Сотни зрителей замолчали и затаили дыхание. Все быстрее летят кони. Гулкий удар. Бойцы сшиблись и на мгновение скрылись в поднимающейся пыли. Громко взвизгнули простолюдинки. Высокородные же дамы визг себе не позволили – от волнения они лишь слегка побледнели, томно прижав руки к сердцу. После удара всадники развернули коней и вернулись к месту, с которого начали движение, готовиться к следующей атаке.

На грязном песке остался лежать выбитый из седла рыцарь, вокруг которого закружил его белый, под голубой попоной, конь. Победитель, отъехав чуть в сторону, бросил копьё, как требовали правила турнира, и поднял правую руку. Рев ликующей толпы и благосклонные улыбки дам приветствовали его.

– Неправильно, – неожиданно громко сказал стоящий рядом с Андрэ коренастый мужчина. Темное, словно прокопченное, лицо его почти до самых глаз заросло густой черной бородой. Сверху над небольшими глазами нависали косматые брови. Свободными от растительности были крупный пористый нос и верхняя часть щек, причем и нос, и щеки, и ладони мужчины не оставляли сомнения в том, что с водой они встречаются не слишком часто – ну, разве лишь во время дождя.

– Что неправильно? – тут же откликнулся Эрмон, быстро оглядев коренастого с ног до головы и безошибочно признав в нем пастуха. Мужчина, чрезвычайно довольный тем, что смог привлечь к себе внимание, важно продолжил:

– Он, ну, тот ударил в забор, и ему должны не дать, а, наоборот, снять.

– Что он сказал? – не поняв слов пастуха, спросил Жюль у Андрэ, наклонив голову и заглядывая тому в лицо. Дерзкий насмешник Эрмон тут же увидел возможность съязвить:

– Дорогой Жюль, видимо, лишь я смогу объяснить столь глубокомысленную речь. Известно ли тебе, что овцам, чтобы толстеть, необходима трава, а не воскресные проповеди? А потому пастухам совершенно не нужен не только дар красноречия, но и вообще возможность изъясняться словами. Это слишком большая нагрузка для их голов. Вполне достаточно, если пастух будет так же жалобно бекать, как и его толстозадые питомцы. Но вернемся к словам нашего нового знакомого. Этот пустоголовый предводитель бараньих стад хотел сообщить нам свои редкостные знания в столь важном деле, как организация турниров, правила которых гласят: «Если рыцарь выбивает противника из седла, он получает очки, а если при этом он попадает копьём в барьер, то, напротив, с него снимается два очка». Я правильно объяснил? – насмешливо обратился Эрмон к коренастому мужчине.

По мере того, как Эрмон говорил, пастух менялся в лице. Глаза мужчины расширились, рот приоткрылся – видимо, уследить за быстрой речью Эрмона ему было непросто. В ответ на вопрос Эрмона мужчина на всякий случай кивнул головой.

---

¹⁰ *Ристалище* – площадь для конных состязаний, а также и само состязание.

– Тогда продолжу. Никто из нас, стоящих здесь, не заметил удара копья по барьеру. Лошадь же действительно стукнула копытом. Но, возможно, пастухам трудно понять различие между рыцарским копьем и ногой коня.

Как ни тяжел и неповоротлив был ум крестьянина, все же он стал понимать, что этот юркий горожанин просто над ним насмехается.

Мужчина опустил голову и, глядя исподлобья, стал похож на барана перед нападением. Лохматые брови угрожающе топорщились. Торчали во все стороны нечесанные волосы. Безрукавка с ключьями свалывшейся шерсти придавала мужчине шутовской вид, но выпачканные землей руки были сильны, и сжимали они толстую корявую палку. И пришлось бы Эрмону испытать отвлекающие удары этой палки на своей спине, если бы не Андрэ.

– Не обижайся на Эрмона, – примирительно обратился Андрэ к крестьянину, – он известный зубоскал и горазд на колкости. Что ж делать? Навоз не может не вонять. Я тоже слышал удар по барьеру, но не берусь сказать, что это было – копьё или копыто коня. Подождем решения судей.

Лохматый пастух перевел взгляд на говорившего. И то ли приветливое лицо Андрэ, бесхитростный взгляд его глаз, уважительная речь, а может, и высокая фигура с сильными плечами, на одном из которых, без видимого напряжения для их обладателя, уютно устроился семилетний мальчик, но крестьянин вдруг успокоился, поскреб всей пятерней в зарослях бороды, надеясь распугать насекомых, и отвернулся.

Видя, что ему ничего не угрожает, Эрмон выдвинулся из-за чьей-то широкой спины, куда он успел моментально спрятаться, и выговорил Андрэ:

– Как ты смеешь унижать мое достоинство перед этим мужланом?

– А удары палкой по хребту твоему достоинству, конечно бы, не повредили? – добродушно парировал Андрэ. С его плеча колокольчиком раздался счастливый смех Жюля.

– Ну... – начал Эрмон. Всегда готовый к ядовитым насмешкам над другими, он не переносил колкости в свой адрес, но все взоры в этот момент обратились к ристалищу, на котором вновь навстречу друг другу помчались рыцари.

Обычно таких столкновений бывало три и более. Но сегодня, после вторичной сшибки, за спинами зрителей раздался голос, заставивший всех присутствующих забыть о турнире.

В стороне, у подножия холма, стоял пожилой монах, низкорослый и смуглый. В его внешности не было ничего выдающегося, скорей, наоборот, – он был тщедушен. Но взгляд пронзительных глаз был приятен и притягивал к себе слушавших его. Одет он был в простую шерстяную тунуку и грубый тяжелый плащ с остроконечным капюшоном, более похожий на попону выючного животного, чем на одежду человека. На груди монаха был нашит большой красный крест. Земля еще не согрелась после зимы, но он стоял босой, без обуви и чулок, и ноги его покраснели от холода.

– Созовите народ, – громким голосом произнес монах, – и я, Петр Пустынный, с благоволения Господа нашего Иисуса Христа и милости Девы Марии открою вам истину, ни в чем не солгу.

– Петр Пустынный, это Петр Пустынный, – все громче заговорили в толпе.

Осенью 1095 года в Клермоне (Южная Франция) собрался большой церковный собор, на котором папа Урбан Второй призвал верующих отправиться в Святую Землю, то есть в Палестину, и отобрать Гроб Господень у мусульман. Была названа дата сбора – 15 августа 1096 года, и место сбора – Константинополь.

– Я говорю присутствующим, поручаю сообщить отсутствующим. Так повелевает Христос¹¹, – закончил папа свое выступление.

---

¹¹ Цитата взята из текста «Иерусалимская история» Фульхерия Шартрского («Деяния франков, совершивших паломничество в Иерусалим». Книга I, глава I. Публикация 1977 года. Сайт «Восточная Литература»).

Многочисленные фанатично настроенные проповедники разнесли призыв папы по всей Западной Европе. Особенно выделялся монах Петр из французского города Амьена, получивший прозвище Пустынник. И это он сейчас стоял в небольшой ложине между двумя пологими холмами, ожидая, пока вокруг него расположатся все те, кто еще минуту назад стоял у ограды ристалища. Вот Петр оглядел всех, развел в стороны руки, словно охватывая, обнимая ими слушателей, и заговорил:

– О, какое величайшее безумство вы совершаете, бесцельно растрачивая свою жизнь! Вы, лучшие рыцари, отважные воины, бесстрашные храбрецы, раскалываете свои щиты, ломаете копья, раздираете одежды, получаете ушибы и переломы, рискуете и вовсе потерять жизнь, и все на потеху толпы. А там, в Палестине, – он резко показал рукой на восток, – братья наши во Христе терпят ужасы от проклятых язычников. И церкви Божии срывают они до основания, и опрокидывают алтари, и оскверняют их, и пронзают христиан посреди живота. Кто, спрашиваю я вас, сможет удержать глаза свои сухими, узнав об этом?!

Полный рыданий, проникновенный голос проповедника вызывал дрожь и ответные рыдания. Держа в руках простое деревянное распятие, Пустынник поднимал его к небу, и тысячи глаз тянулись вслед за ним. А голос проповедника звучал все громче, гремел над зачарованными толпами:

– К вам взывают братья наши! К вам протягивают свои горестные руки! Придите и исторгните эту священную землю, в которой проповедовал и страдал Спаситель, у народа нечестивого, у народа бесчестного! Да поразит их Господь всеми муками ада!

Слова сурового проповедника находили живой отклик в сердцах, воспаляли христианское воображение, возбуждали негодование страданиями палестинских христиан. В религиозном экстазе многие опускались на колени, из глаз текли слезы, слышались рыдания.

Андрэ не был исключением. Не отводя горящих глаз от лица Петра Пустынника, он медленно опустил на землю Жюля и теперь стоял, выпрямившись во весь рост. Его грудь от волнения вздымалась. С последними словами проповедника Андрэ упал на колени, истово перекрестился и проговорил со всеми:

– Так угодно Богу!

Весной 1096 года желание посетить святыне места и завоевать Восток стало единственным стремлением, всеобщей страстью. Кого-то толкало в поход благочестивое стремление, кого-то – земные блага. В Андрэ же переплелись религиозный экстаз и возможность увидеть новые земли. Дремавшие до сих пор чувства ярко вспыхнули. Здесь было и желание защищать невинных, и отвага, и стремление к славе, и жажда приключений. Словом, в нем проявились чувства, достойные не ткача-горожанина, а славного рыцаря. Огромный незнакомый мир открывался за воротами убогого городка. Сказочный Восток манил неодолимо. Тут же, на месте, Андрэ решил отправиться в путь по стезе Господней и принял крест. Затем он поднялся с колен и быстро пошел в сторону города.

– Андрэ, куда ты? – окликнул его Эрмон.

– Собираться, – кратко ответил Андрэ. – Я уйду завтра на рассвете.

– Завтра на рассвете! – восхищенно воскликнул Эрмон, нагоняя Андрэ и заглядывая ему в лицо. Он хотел съязвить насчет получения разрешения Бастиана, но, взглянув в лицо Андрэ, поразился: перед ним словно был другой, незнакомый человек, уверенный в себе, твердый в своих намерениях, возможно, даже безрассудный в поступках. Впрочем, никто и не осмелился бы остановить человека, принявшего крест.

– Я иду с тобой, – сказал Эрмон и добавил: – Остановись, подождем Гентольда – он не может так бежать.

Действительно, Гентольд, спеша за приятелями, стал совсем задыхаться.

– Мы с Андрэ идем в Иерусалим. Пойдем с нами, – сказал Эрмон Гентольду. В ответ тот лишь печально покачал головой:

– Мне не дойти.

А теперь оставим на время Андрэ и Эрмона в начале их долгого пути в Святую Землю и, пользуясь возможностью книги мгновенно преодолевать пространство, вернемся в знойную пустыню Средней Азии.

Глава четвертая, в которой Джамиль намерен ехать на восток

*Чуть ошибиться стоит птице —
Она в силках.
Джигиту стоит ошибиться —
И он в цепях.*

Пословица народов Центральной Азии

От быстрого бега толстые косы Гюллер металась по спине, монисто из серебряных монет и бусы из небесно-голубой бирюзы подпрыгивали на груди. Слегка запыхавшись, Гюллер взбежала на холм и остановилась.

Внизу, перед ней, лежала широкая равнина с выжженной солнцем травой. По равнине, стремительно перебирая стройными, тонкими ногами, неслись кони. Ловко управляя своим телом, молодые джигиты на полном ходу соскакивали с бегущего рысью коня на землю и тут же птицей взлетали назад, на круп животного.

Что может быть красивее мчащегося коня и словно слившегося с ним всадника! И потому, застыв, девочка несколько минут стояла на вершине холма, любуясь увиденным. Затем, вспомнив, зачем она здесь, закричала звонким голосом: «Джамиль!» – и замахала рукой. В ответ на ее призыв один из всадников осадил своего золотисто-рыжего, с короткой гривой, скакуна, посмотрел на холм и направил коня к Гюллер.

– Что тебе? – спросил Джамиль, приближаясь.

Быстро течет неумолимое время, быстро превращает детей во взрослых. Шесть лет пронеслось над степью – и нет больше мальчика Джамиля: есть юноша с гордой осанкой, смелым взглядом, уверенностью в себе.

– Джамиль, поспеши, – сказала Гюллер, – твой отец болен.

Юноша стегнул нагайкой коня и галопом понесся к юртам. Хотя Гюллер и сказала: «Поспеши», она осталась стоять, недовольно прикусив яркую губу. Ее задевало равнодушие к ней Джамиля. Она помнила, как, рискуя собой, он спас ее от ядовитой змеи, как нес на спине, а она обнимала его шею руками.

Ей исполнилось двенадцать – зыбкая грань между девочкой и девушкой. Еще немного, и бутон раскроется, и миру предстанет красавица. Джигиты кочевья провожают ее долгими взглядами. Отец готов хоть завтра просватать Гюллер и не сделал этого до сих пор, попросту выжидая, в надежде получить за нее более богатый калым. Жадные свахи уже подсчитывают барыши. Почему же Джамиль смотрит так равнодушно? Разве он не понимает, что может потерять ее навсегда? Черные глаза девочки, не отрываясь, следили за Джамилем, пока он летел по степи, и только когда, соскочив с коня, юноша скрылся в потемневшей от времени юрте, Гюллер медленно пошла назад.

Откинув занавес у входа, Джамиль вошел в полумрак юрты. Ближе к двери на стене было развешено оружие, конская упряжь, амулеты. Здесь же, в считавшейся мужской половине, на плоской постели лежал Расул. Его худое лицо было смертельно бледным, глаза закрыты. Рядом с больным хлопотала Акджа – мать Джамиля, обтирала лицо мужа мокрой тряпкой. Поодаль, поджав ноги, сидел Малик.

– Что с ним? – спросил Джамиль, опускаясь рядом.

Акджа печально покачала головой, не зная, что ответить.

– Что у него болит? – настаивал Джамиль.

– Он не отвечает, – тихо проговорил Малик.
– Так осмотри его, – приказал Джамиль. – Ты же читал трактат Абу Али Ибн Сина.
– Прочитать «Поэму о медицине» не значит стать врачом, – огрызнулся на упрек Малик и, смягчившись, добавил: – Надо привезти Чепер.

На миг задумавшись, Джамиль сдвинул на переносице черные брови и, тут же приняв решение, порывисто вышел из юрты. Раздался дробный стук копыт, постепенно затихший вдали.

Вечером в старой юрте Расула было много народа. Люди пришли проведать хозяина, но сильнее, чем сочувствие к заболевшему, их притягивала личность Чепер. Поздоровавшись и высказав необходимые слова вежливости, пришедшие садились по сторонам юрты и, не отрывая глаз, замороженно следили за знахаркой. От темно-бордовых ковров, от пылающего в полумраке огня тревожные красные блики ложились на напряженные лица сидящих.

Темная и сухая, словно пергамент, кожа обтягивала виски и высокие скулы Чепер, собираясь на низком лбу и впалых щеках гармошкой глубоких морщин. Казалось, именно сюда съехала вся кожа старого лица, подтянув за собой и небольшой нос, странно задравшийся кверху. Под низко нависающими бровями горели утонувшие в глазных впадинах черные глаза.

Сила влияния Чепер на людей была столь велика, что с первого же взгляда на старую знахарку, обликом своим скорее смахивающим на колдунью, окружающие проникались твердой уверенностью в ее загадочных знаниях и неведомой силе. Как все необъяснимое, она притягивала и ужасала.

Сидя на корточках у костра в центре юрты, Чепер помешивала в котле варево, готовя лекарство. Когда, привставая, знахарка наклонялась над котлом, пряди ее седых волос касались кипящей поверхности. Время от времени Чепер взмахивала костлявой рукой, чтобы отбросить к плечу мешающий ей широкий рукав платья, и тогда ее длинная черная тень на стене юрты, пугающе дрожа, повторяла эти движения. Звенели серебряные бляхи, нашитые на одежду, клубился дым от костра. Благоговейная дрожь пробежала по лицам сидящих.

Достав из небольшого кожаного мешка тело змеи, Чепер аккуратно сняла с нее шкуру, разрубила на части и бросила в кипящую воду. Затем ее рука вновь опустилась в мешок, и все глаза устремились за ней. Вынув руку, Чепер не спеша разжала ее. На ладони лежала оторванная голова кобры. Свисали скрученные лохмотья змеиной кожи. Встав, Чепер поднесла голову к бледным губам, беззвучно нашептывая заклинания. Ее тонкие пальцы с чудовищно длинными ногтями медленно шевелились в такт неслышным словам.

Неожиданно змея конвульсивно разжала пасть, обнажая страшные зубы. Все вздрогнули: острый холодок ужаса, смешанного с любопытством, пробежал по спинам.

Резким движением Чепер швырнула голову кобры в костер, и та загорелась, шипя, сморщиваясь, потрескивая, разбрасывая искры.

Между тем Чепер опустила в котел свежее курдючное сало, лук, перец, куркум, насыпала мелко нарезанные целебные травы. Вариво кипело, бурлило, булькало.

Осторожно сняв котелок с огня, Чепер поставила его на землю и, сев на кошму, достала из-за пазухи завернутый в цветастый платок сверток. Развернув платок, знахарка взяла несколько небольших прямоугольных кусочков желтовато-белого корня и опустила их в густой бульон. Немного погодя, Чепер наполнила варевом чашу и бережно напоила больного.

– Завтра с восходом солнца он откроет глаза и заговорит, – уверенно произнесла Чепер. – Жаль, что корня у меня больше нет. Для полного выздоровления нужно еще.

– Скажите, уважаемая Чепер, что это за корень? Как он называется? Можно ли его добыть? – быстро спросил Джамиль.

Женщина повернула голову и долго внимательно вглядывалась в лицо юноши, затем отвела глаза и, глубоко вздохнув, застыла. Все терпеливо ждали. Наконец, Чепер открыла глаза

и заговорила нараспев. Сначала ее голос звучал тихо, и всем приходилось напрягать слух, чтобы понять, что она говорит. Но постепенно ее голос набрал силу.

– Давно это было и далеко отсюда, там, где кончаются горячие пески и пыльные барханы, и растут большие деревья. Много их растет. И называется это место «лес». Идешь, идешь по лесу, а деревьев все больше, и все выше они, и все гуще растут. Поднимешь голову и не увидишь солнца, сделаешь шаг – ветки за одежду цепляются, идти мешают. В этом густом темном лесу протекал родник. Вода в том роднике была холодная, чистая и сладкая. Опустись на колени, станешь пить и все пьешь, пьешь, никак оторваться не можешь. Быстро бегут прозрачные струйки, весело журчат, словно радуются, что всех напоить могут, всем жизнь дают.

Но однажды собрались над лесом тяжелые черные тучи. Клубясь и ворча, затянули они все небо. А в полночь ударила молния, и раздался такой гром, что задрожали от страха птицы на ветках, забились поглубже в норы звери. Огненной стрелой своей попала молния прямо в родник, и исчез родник, ушел от небесного удара под землю. А утром на этом самом месте выросло растение. Стебелек у растения тоненький, листья – словно рука с пятью пальцами, а корень из земли выкопав и удивишься, как похож он видом своим на тело человеческое. Всю силу небесной стрелы вобрал в себя этот корень. Больного он делает здоровым, слабого – сильным, старикам продлевает жизнь. Имя этому корню – женьшень, что значит «корень жизни».

Если выехать из стойбища прямо навстречу восходу солнца, то там, в темных сумрачных лесах, можно найти этот корень. Но найти его может лишь чистый человек, добрые намерения имеющий. Человеку же злему, человеку недоброму не дастся он в руки – уйдет в землю, не покажется.

Тут Чепер замолчала и прикрыла глаза. Костер совсем догорел, и во мгле лишь тускло поблескивали гаснущие угли. Спокойно дышал во сне больной. Стараясь не шуметь, разошлись жители по своим юртам. Погасли костры. Уснуло стойбище. Но спали не все.

За юртой, на расстеленной на земле старой кошме сидел Джамиль и задумчиво глядел в темную степь.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – раздался негромкий голос Малика. – Ты решил ехать за корнем жизни.

Джамиль повернулся к другу.

– Да, – подтвердил он.

– Я твой друг. Я поеду с тобой, – решительно проговорил Малик.

Несколько мгновений молча смотрел Джамиль в лицо Малика. Потом встал, достал из подвешенных к поясу кожаных ножен острый кинжал, закатал рукав своего чекменя и твердой рукой провел ножом по запястью. На смуглой коже выступили крупные капли крови и, не удержавшись на руке, закапали на землю. Взяв из рук Джамиля кинжал, Малик сделал надрез на своей руке. Юноши соединили руки и смешали кровь.

– Отныне, Малик, ты брат мой, – торжественно проговорил Джамиль.

Прохладная звездная ночь была полна звуков. Фыркали в отдалении лошади, шуршали в загоне овцы. Спасаясь от волчьих зубов, с дробным топотом прорчалось стадо джейранов. Ушел спать Малик.

Взошла луна, и ее холодный свет разлился повсюду, придавая простому пейзажу неизъяснимую прелесть. Длинные тени барханов ложились одна на другую. Небольшие сухие кусты виделись огромными деревьями.

Звук шагов заставил Джамиля поднять голову. Перед ним стояла Гюллер. По-детски капризно она спросила:

– Почему ты не сватаешь меня? Ведь ты любишь меня, я знаю.

– Твой отец, достойный Саламгулы – самый богатый человек в стойбище. Я же простой чабан. У меня нет денег, чтоб заплатить калым.

– Тогда выкради меня, – приказала Гюллер.

Джамиль встал:

– Нет, мне нужно спасти отца. Его жизнь в опасности. Я должен думать об этом.

Тонкий голубоватый луч луны дотянулся до лица девочки и словно проявил сквозь детские черты редкостную красоту степной красавицы. Джамиль замер. В серых прозрачных глазах юноши на мгновение отразились чувства, до того скрываемые под мужским восточным пренебрежением. Палящее пламя этой неожиданно прорвавшейся во взгляде любви, пугающее и сладостное, пробежало по телу Гюллер. Она потянулась навстречу светлым глазам, замирая от ужаса и сгорая от ожидания счастья.

Несколько секунд долг сына боролся с любовью, и Гюллер, несмотря на юный возраст, это чувствовала и понимала, и в ней эти несколько секунд жило ожидание. Что, что решит юноша? Вот он схватит ее на руки, вскочит на коня, и они помчатся – куда, зачем? Где им придется бродить по широкой степи и у каких враждебных племен скрываться, об этом Гюллер додумать не успела.

Резко повернувшись, Джамиль решительно исчез в юрте.

Задохнувшись от охватившего ее разочарования и гнева, Гюллер обратила горящее лицо к ветру степи, который, промчавшись мимо, лизнул своим холодным языком лицо девушки, растрепал волосы, взметнул длинное платье. Не находя успокоения, Гюллер рванула на груди бирюзовые бусы и в сердцах забросила их в степь. По гладким розовым щекам потекли слезы. Девочка повернулась и побежала. Тонко и нежно зазвенели маленькие бубенчики на ее серебряных браслетах и огромных серьгах.

Перед рассветом Джамиль и Малик покинули родное стойбище. В торбах – небольших мешках, прикрученных к седлам, лежали провизия и одежда.

Уже вставив ногу в стремя, Джамиль неожиданно увидел, как в пыли под копытами коня что-то странно заголубело. Он нагнулся. Это была одна из крупных бусин, упавших ночью из разорванного ожерелья Гюллер. Юноша задумчиво повертел в руках овальный кусочек небесно-голубой бирюзы.

– Говорят, в бирюзу превращаются кости людей, умерших от любви, – сказал Малик, с любопытством глядя в ладонь Джамиле. Не отвечая, Джамиль сжал камень в ладони и вскочил в седло. Размеренным шагом они покинули селение.

Юноши не оглядывались: Джамиль – потому, что считал это проявлением слабости и нерешительности, а Малик уже мечтал о Мерве, куда они направлялись, – этом главном центре арабской книжной учености. Поэтому они и не увидели взбежавшей на холм Гюллер.

Девочка стояла, прижав к груди руки. Предрассветный ветер раздувал свободное красное платье. Красивые, чуть раскосые глаза, покрасневшие от проведенной без сна ночи, не отрываясь, смотрели вслед уменьшающимся фигуркам.

Вот всадники достигли линии горизонта и на фоне светлеющей дали казались лишь плоскими силуэтами, вырезанными из темной бумаги. Гюллер вытянула вперед руки и страстно выкрикнула:

– Любовь моя ухватилась за поводья твоего коня, Джамиль, и, рыдая, помчалась вслед. Воспарит она над тобой, как птица, распахнет крылья и защитит от бед, согреет руки твои, если застанет тебя в пути мороз, защитит от страшного ветра пустыни, не даст умереть от жажды среди горячих песков, отведет руку лихих разбойников.

Если бы Джамиль выкрал девушку и умчал ее в степь, совершенно иная жизнь ожидала бы его, Гюллер и Малика. И совсем иной рассказ ждал бы читателей. Просто поражаешься, на каком волоске порой висит выбор и от чего зависят повороты в судьбе.

* * *

Путь до Китая неблизок – вдвоем не добраться. И Джамиль с Маликом направили коней на юг, к Мерву, рассчитывая прибиться к торговому каравану, идущему на восток.

Необозримая равнина расстилалась перед ними привычно и однообразно. Кое-где скучное однообразие нарушали юрты, издали напоминающие холмики возле кротовых нор. Чахлые сухие пучки песчаного камыша вылезали из трещин земли наподобие неопрятных клочков верблюжьей шерсти. Там и сям торчали мертвые зонтики отцветших еще весной растений. Ящерицы, испуганные появлением всадников, суетливо спешили спрятаться.

Джамиль был строг и задумчив, Малик, напротив, весел и даже что-то напевал.

– Ты, как я погляжу, рад и весел. Разве тебя не пугает дальний путь?

– Пока я радуюсь, что мы увидим Мерв. В этом городе десять библиотек.

Джамиль неопределенно пожал плечами. Несколько обескураженный равнодушием друга, Малик добавил:

– Да знаешь ли ты, что в Мерве живет великий поэт и мыслитель Гияс ад-Дин Абу-аль-Фатх Омар ибн Ибрагим Хайям Нишапури, – и юноша прочитал нараспев:

*– Тревога вечная мне не дает вздохнуть,
От стонов горестных моя устала грудь.
Зачем пришел я в мир, раз – без меня ль, со мной ли —
Все так же он вершит свой непонятный путь?*

Не услышав ни слова в ответ, Малик подозрительно посмотрел на Джамиля:

– Или это имя тоже тебе ничего не говорит? Если это так, то ты, ты... – Малик от возмущения не находил слов.

– От чего устала твоя грудь? – прервал его кипение Джамиль неожиданным вопросом.

– От стонов, – вдохновенно ответил Малик, еще не понимая, куда клонит Джамиль, и радуясь, что строки великого Омара Хайяма нашли отклик даже в столь далекой от поэзии душе.

– Что ты – глупая женщина или бессильный старик, чтобы стонать? Плохой твой поэт, – отрезал Джамиль не терпящим возражений голосом.

– О, бесчувственный сын верблюда! – возмущенно вскинул руки Малик. – Ничего-то ты не понимаешь в поэзии, – и обиженно замолчал.

Слегка ударив скакунов, юноши поскакали крупным галопом.

Утром следующего дня взорам неискушенных степняков предстал процветающий город, столица государства Великих Сельджуков, известный под именем Мерв Шахи джан (Душа царей).

Уже издали голубела глазурь куполов и нежным розовым светом отливала в лучах восходящего солнца золотые плитки мечетей. Белым алебастром¹² блестели узорные решетки в окнах высоких домов, точно кайма, украшающих просторные улицы богатых кварталов. Окруженные тенистыми садами, утопали в роскоши дворцы знати. Густо, небрежно лепились друг к другу небольшие жилища из сырцового кирпича – приют простого труженика.

Высокая зубчатая крепостная стена и ров надежно оберегали город. К четырем массивным воротам, открывающимся в разные стороны света, вели четыре дороги. Город стоял на перекрестке торговых путей между Востоком и Западом.

---

¹² *Алебастр* – мелкозернистая тяжелая разновидность гипса (сульфат кальция), в естественном виде – полупрозрачный минерал снежно-белого цвета («Толковый словарь Ушакова»).

Пройдя через северные ворота, юноши, привыкшие к вольным просторам, с удовольствием окунулись в пьянящую атмосферу огромного восточного города, полного шума, движения, суеты. Времени было еще немного, но улицы были полны народа. Как опаздывающие на занятия школяры, погоняя своих ослов и верблюдов, торопились к базарной площади купцы в надежде захватить в торговых рядах бойкое место. Толпами спешили горожане. Кто-то торопился закончить покупки до наступления дневного зноя, кто-то намеревался просто потолкаться на базарной площади, побеседовать с купцами. Кроме диковинных товаров, купцы наводняли город еще и свежими новостями. Сотни ног поднимали столбы пыли, и она оседала тонким слоем на обуви, босых ногах, подолах халатов.

Возле больших круглых печей – тандыров, раскалив их своды изнутри, начинали колдовать хлебопеки:

– Купите, правоверные, горячую ячменную лепешку. А если есть деньги, то и пшеничной можно побаловаться.

Густо теснились ряды лавок. Блестели гладко отполированные бронзовые зеркала, сверкали кольца, браслеты, цепочки, пряжки из золота и серебра. Виноградными гроздьями свисали мягкие кожаные и сафьяновые сапоги. Развешанная на крючьях одежда цеплялась за головы и плечи проходящих.

Прямо на пыльной улице, поперек торговых рядов, расстилали ковровщики свои ковры, и те цвели под ногами прохожих яркими теплыми красками – от нежно-розового до темно-коричневого цвета. Ничего, ничего – будут крепче, будут мягче. Звенели медные кувшины и подносы.

Ревели ослы. Продавцы назойливо, громко расхваливали свой товар. Покупатели отчаянно торговались.

Совершенно оглушенные шумом базара, вспотевшие от духоты и впечатлений, с широко распахнутыми глазами и невольно приоткрытыми ртами, Джамиль и Малик поспешили его покинуть.

Два канала прорезали город с юга на север, но стража к воде не допускала. И Джамилю с Маликом пришлось выложить звонкую монету за кружку прохладной воды, купив ее у крикливого разносчика. Впрочем, жизнь в пустыне приучает дорого ценить воду.

Неспешно бродя по улицам, юноши, наконец, нашли то, что искали, – караван-сарай. Пройдя сквозь полукруглую арку, они очутились в небольшом прямоугольном дворе, в центре которого был устроен круглый, выложенный серыми камнями бассейн с водой, а по периметру расположилось одноэтажное здание примерно с тридцатью комнатами – кельями. Перед каждой кельей было что-то вроде веранды, больше похожей на нишу в стене.

На одной из таких веранд, на потертом персидском ковре, облокотившись на подушки, отдыхал мужчина средних лет, с редкой седеющей бородой и умными глазами. Это был керванбаши – начальник каравана, идущего в нужном Джамилю восточном направлении.

Сбросив обувь, юноши поднялись по трем круглым ступеням и вежливо предстали перед керванбаши с просьбой. Пригласив юношей присесть на ковер, мужчина задумался. Караван у него не слишком большой, а и на большие караваны налетают разбойники. И два молодых отважных степняка не будут лишними в долгом, опасном пути. Но, с другой стороны, разве кипчаки¹³ – не такие же кочевые племена, разве не к таким же разбойникам они относятся? В Китай им нужно. Может, весь их рассказ о больном отце – выдумка, и они, находясь внутри каравана, выдадут в подходящий момент его местонахождение?

Недаром ведь говорит персидская поговорка: «И вора́м товарищ, и каравану друг». Ох, непростое дело – вести караван. Дума́й, керванбаши, дума́й. От тебя зависят десятки жизней.

---

¹³ *Кипчаки* – тюркоязычный народ.

Неспешно течет время, неспешно перебирает рука мужчины четки из атласного дерева. Вежливо молчит Джамиль, глядя на старшего мужчину спокойными серыми глазами. Вежливо молчит Малик, смотрит чуть в сторону мечтательными черными глазами. Перебирает он в уме строки стихов, как керванбаши перебирает четки:

*Все в мире покроется пылью забвенья,
Лишь двое не знают ни смерти, ни тленья:
Лишь дело героя да речь мудреца
Проходят столетья, не зная конца¹⁴.*

Молчит керванбаши, вглядывается в лица юношей. Хорошие лица, открытые, бесхитростные: если эти двое дадут обещание – не предадут. И решил мужчина взять молодых степняков с собой.

Через несколько дней, вечером, после традиционной молитвы, закончившейся словом «аминь» и поглаживанием бороды керванбаши, небольшой караван из восьмидесяти верблюдов и сорока путников, полагаясь, по восточному обычаю, на волю случая, вышел из северных ворот города и повернул на восток.

В быстро наступающих сумерках холмы и возвышенности отливали всеми оттенками лилового цвета. Серый колорит сумерек быстро уступал место мгле, охватывающей предметы, стусевывающей очертания барханов. Караван шел цепочкой: хвост впереди идущего верблюда соединялся с ноздрями следующего. Предстояло идти всю ночь.

Впереди каравана на вороном породистом скакуне, пристально вглядываясь в дорогу, ехал керванбаши. Джамиль с Маликом ехали рядом, с удовольствием слушая неспешную речь:

– От Мерва до Бухары Шериф, благословенной Бухары, шесть дней пути, если, конечно, нам будет сопутствовать удача и переправа через Джейхун¹⁵ окажется легкой. Идти будем по ночам. Готовить еду только днем. Ночью костры далеко видны и выдадут нас грабителям, – мужчина помолчал. – Меня уже дважды грабили. Все забирали. В лохмотьях уходил. Слава Аллаху, что живым оставили.

Мерно позвякивал колокольчик на шее первого верблюда, отмеряя фарсанги¹⁶ длинного пути.

Сколько лестных слов написано о верблюде! Он-де и тих, и покорен, и терпелив, и вынослив, и без воды обойдется, и верблюжью колючку ест с аппетитом. А ведь это растение с легкостью протыкает кожаную подошву сапога. Да, все это так. Но, с другой стороны, верблюд глуп, равнодушен и крайне пуглив. Его очень просто может испугать большой камень у дороги или даже тень иссохшего куста. Именно с этой верблюжьей пугливостью и связаны перемены в жизни степных юношей. Как говорит арабская поговорка: «Дверь бедствий широка».

Долгая ночь перехода подходила к концу. Усталые путники мечтали о заслуженном привале, о возможности разжечь костры и выпечь в золе пресные лепешки.

Неожиданно из-за ближайшего бархана выскочил заяц и стремглав пронесся поперек пути каравана. Этого было достаточно, чтобы привести первого верблюда в неопикуемый ужас. Верблюд сделал скачок в сторону и понесся, как безумный. Все остальные верблюды, даже не видя опасности, побежали за ним. Караван смешался. Закричали погонщики. Стегнув коня, Джамиль бросился догонять и останавливать первого верблюда.

– Скорей, Джамиль! – кричал ему вслед керванбаши.

---

¹⁴ «Все в мире покроется пылью забвенья...». Автор строк – Хаким Абулькасим Мансур Хасан Фирдоуси Туей – персидский поэт, автор эпической поэмы «Шахнамэ».

¹⁵ Джейхун – под этим именем у арабов была известна река Амударья.

¹⁶ Фарсанг – персидская мера длины, равная 6,7 км.

Пугливый верблюд был остановлен. Он кричал и плевался. У второго верблюда была вырвана веревка, продетая через ноздрю. Из раны на песок капала ярко-алая кровь. Верблюд жалобно ревел и вертел головой во все стороны, словно просил о помощи. Вокруг суетились слуги и путники. Наконец, порядок был восстановлен, и только теперь Джамиль обратил внимание на то, что он не видит Малика, что его не было рядом во всей этой кутерьме.

– Где Малик? – спросил он у керванбаши. Тот непонимающе осмотрелся. Разыскивая друга, Джамиль поскакал вдоль каравана. Малика нигде не было.

– Ну, не мог же он сквозь землю провалиться, – сказал керванбаши, – осмотрите местность вокруг.

Исчезновение Малика объяснилось с восходом солнца. Возвращающийся из святых мест пожилой дервиш¹⁷, одетый в грубое рубище и высокий колпак, обнаружил за барханом следы лошадей.

– Следы лошадей без верблюдов всегда подозрительны, – сказал дервиш, качая головой, – видишь, сколько здесь следов и как они глубоки, значит, ждали долго, – продолжил дервиш, указывая на следы посохом.

Джамиль пошел по следам, и вскоре вся картина ясно предстала перед ним. Разбойников было двое. Воспользовавшись переполохом, всадники выскочили из-за бархана. Один из них вскинул юношу поперек седла, второй увел его коня.

– Что же он даже не сопротивлялся, твой друг, а еще говорят, что кипчаки – смелые и отважные воины? – насмешливо проговорил молодой узбек, едущий в Бухару.

– Всей его отваги хватило, чтобы самому связать себе руки, – поддержал насмешку второй.

Взбешенный Джамиль схватился за рукоять сабли. Его руку успел перехватить керванбаши.

– Не горячись. Остуди кровь. Не должно джигиту бросаться на каркающих ворон. А вы закройте рты и откройте шире глаза. Тогда вы увидите, что здесь, на песке, кровь. Видимо, ему нанесли удар со спины. Через седло перекинули уже бесчувственное тело. Ну, раз увезли, значит, жив. Теперь жди. Пришлют человека за выкупом. А нам пора в путь. Мы и так задержались. Куда же ты, Джамиль? – спросил мужчина, увидев, что юноша пошел в обратную сторону.

– Малик мой друг и брат. Я не позволю продать его в рабство.

– Но что ты можешь один?

– Пока не знаю, будет видно.

Керванбаши несколько минут смотрел на Джамиля, словно увидел его впервые:

– Ты благороден, Джамиль. А я так долго в вас сомневался, думал, что вы можете быть грабителями. Но что выкрадут одного из вас, никак не предполагал. Да, неведомы нам, простым смертным, жизненные пути. В Бухаре мы остановимся в караван-сараях и будем отдыхать пять дней. Если сумеете нас догнать, буду рад. Прощай, Джамиль, да пошлет тебе Аллах удачи в задуманном.

Караван направился дальше, на восток. Оставшись в одиночестве, Джамиль двинулся в обратную сторону, туда, куда вели следы.

---

¹⁷ *Дервиши* (в переводе с персидского – бедняк, нищий) – мусульманский аналог монаха, аскета.

Глава пятая, в которой Джамиль встречается с хозяевами пустынных горизонтов

*Саблю может нацелить любой,
Но не каждый с ней поскачет в бой.*

Пословица народов Центральной Азии

Необозримые, словно море, просторы были покрыты волнами песка, которые то вздымались высокими валами, то расстилались мелкой рябью. Белели и сверкали сыпучие верхушки огромных барханов. Ни одной птицы в воздухе, ни одного жука на песке. Только кости погибших здесь людей и животных, собранные в кучи проходящими путниками, служили мрачными указателями дороги.

Джамиль шел все осторожней. Разбойники не могли уйти далеко. Ни одна лошадь не сможет долго идти по такому вязкому, все накаляющемуся песку. И действительно, вскоре Джамиль обнаружил грабителей, расположившихся отдыхать в тени развалин древнего рабата¹⁸.

Малик лежал чуть в стороне, привалившись к глиняной стене. Руки и ноги пленника были крепко стянуты веревками. Грязная тряпка, которой небрежно обвязали разбитую голову, покрылась бурными пятнами просочившейся крови. Подтеки крови с налипшим на них песком уродовали красивое лицо. Добротный чекмень и кожаные сапоги с пленника были сняты. Босые ноги кровоточили. Должно быть, как только юноша пришел в себя, его заставили бежать рядом со скачущими всадниками. На шее юноши была веревка, конец которой находился в руках у одного из разбойников.

Это был мужчина с гладким широким лицом, которое, несмотря на свои правильные, даже не лишённые определенной привлекательности черты, в целом отталкивало какой-то неприкрытой жестокостью. Время от времени мужчина сильно дергал за веревку. Было светло, лежащий связанным юноша был хорошо виден, и в этом дерганье не было никакой необходимости. Но когда от очередного рывка веревки Малик утыкался измученным лицом в песок и начинал придушенно кашлять, по лицу разбойника разливалось удовольствие.

Распластавшись на вершине бархана и разглядывая мужчин, Джамиль задумался. Он знал обычаи грабителей. На кишлаки они нападают в полночь, а на караваны – при восходе солнца. Значит, до вечера они будут отдыхать. Но разбойников никак не может быть двое. Отсюда следует, что остальной отряд или вскоре появится, или тоже где-то отдыхает, и встреча произойдет после захода солнца. В любом случае пока нужно отдохнуть и обязательно напоить лошадь.

Джамиль сполз с бархана к находящимся невдалеке редким зарослям черного саксаула и, вынув широкий нож, вырезал верхний пласт словно спекшегося песка. Песок под этой верхушкой был более мягким и влажным. Джамиль начал его выгребать. Образовалась глубокая выемка. По стенкам выемки выступили капли воды и начали стекать, собираться в углублении. Постепенно ямка до краев наполнилась чистой, горьковато-солонатовой водой.

Джамиль напоил коня, напился сам и набрал воды в бурдюк, сделанный из кожи козленка. Кожа для такого бурдюка сдиралась одним куском, затем натиралась солью и высушивалась на солнце.

Весь нескончаемо долгий день Джамиль наблюдал за грабителями, выжидая удобного случая. Сквозь прикрытые веки Малик тоже напряженно следил за своими похитителями, без-

---

¹⁸ *Рабат* переводится с арабского как «укрепленный лагерь», «постоялый двор».

успешно пытаюсь высвободить связанные за спиной руки. Несколько раз юноша неосторожно дернулся. Мужчина, в чьих руках находился конец веревки, приоткрыл злые глаза, вскочил на ноги, с бешеной злобой рванул веревку так, что опрокинул лежащего на боку Малика лицом вниз, сильным рывком протянул его по земле, обдирая пленнику лицо о раскаленный песок и мелкие острые камешки.

– Еще раз шевельнешься, и я привяжу тебе ноги к голове, – недобро пообещал он.

Малик замер, и только дрожание век говорило о том, что юноша не спит. Джамилю хотелось подать другу знак, что он здесь, но, опасаясь выдать себя, Джамиль сдержался. Наступили быстрые сумерки и почти следом – темная азиатская ночь. Маленький нарождающийся месяц не рассеивал мрак, и это было на руку Джамилю. Он подполз ближе.

Прохладные вечера располагают ко сну. Измученные дневной жарой, разбойники именно сейчас, под холодным ветром, крепко заснули, словно дети перед рассветом.

Бесшумно подобравшись к Малику, Джамиль быстро зажал ему рот и прошептал:

– Это я.

Затем острым кинжалом он перерезал веревки и потянул Малика за собой. Обогнув бархан, юноши добрались до лошади. Усадив Малика в седло, Джамиль повел лошадь на восток. Отдохнувший конь шел быстро. Джамиль бежал рядом. Затем юноши поменялись местами – они не хотели переутомлять коня. Так продолжалось несколько часов.

Наконец, море песка осталось позади. Степь становилась все более плоской и гладкой. Конь перестал вязнуть и пошел крупным галопом. Юноши облегченно вздохнули – ушли. Но, как оказалось, обрадовались они преждевременно. В тишине ночи они явственно услышали шум погони. Уйти вдвоем на одном скакуне невозможно.

– Будем драться. Их двое и нас двое. Нечего нам бежать, как джейранам от волков. Мы сами волки, – и, обнажив саблю, Джамиль приготовился. Малик оставался верхом на коне, и в руке у него сверкал кинжал Джамиля.

Шум погони приближался, но почему лица юношей становились все более напряженными? Привыкшие узнавать по шорохам и звукам скрытую ночную жизнь степи, они теперь слышали приближение коней, идущих размашистой рысью. Но коней было никак не двое. Еще минута – и скачущие всадники стали видны на фоне чуть посветлевшего неба. Их было человек... тридцать.

Джамиль облилизал пересохшие губы, и это было единственным свидетельством его волнения. И оно никак не отразилось на упрямом, словно затвердевшем лице. Серые глаза смотрели бестрепетно и отважно. Густые брови напряженно сдвинулись. Высокие скулы заострились. Мускулистое тело напряглось, как для прыжка.

– Скачи! Я задержу их, – сказал Джамиль.

Не отвечая, Малик полыхнул на друга оскорбленным взглядом черных глаз. «Как мог ты даже подумать обо мне такое?!» – казалось, прокричали они.

Кочевники увидели кипчаков и, стегнув коней, с бешеными гортанными криками бросились вперед, на добычу. Через десять минут все было кончено.

Связанных юношей поставили перед высоким худым предводителем, сидящим на холерной разряженной лошади. Предводитель оглядел добычу внимательным хитрым взглядом, отметил про себя стройность, ловкость, красоту юношей и сказал:

– Добыча мала, но, думаю, мы получим за нее неплохие деньги.

– Мы правоверные. Как можешь ты продавать мусульман?! – воскликнул Малик.

Кочевник снял шапку, вытер ею свою вспотевшую бритую голову, блестевшую, как начищенный металлический шар, и равнодушно сказал:

– Эх, Коран – Божья книга и, конечно, намного благороднее человека, а ее продают и покупают за несколько монет. Так чего же ты хочешь? Иосиф, сын Якуба, был пророком, а его тоже продали. Разве он стал хуже от этого?¹⁹

– Берегись, потомок раба, – сказал Джамиль гордо, даже надменно держа голову, – удача вскружила тебе голову. Наш клан могуществен. Нанесенная обида не будет забыта.

Слова «потомок раба» были ругательством, но рука Сарыка – так звали предводителя – не потянулась за кинжалом из дамасской стали, рукоять которого торчала из-за широкого кушака. Он перевел спокойные пронизательные глаза на Джамиля, коварно усмехнулся и, надев шапку, ответил:

– Что ж, ты сам подсказал мне твою судьбу. Я не буду требовать за вас выкуп, а продам вас дальше, на запад. На невольничьих рынках Багдада высоко ценятся молодые кипчаки – из них получают отличные воины, – он едва заметно подмигнул, и стоящий рядом с Джамилем кочевник наотмашь ударил юношу плетью по спине. Гневно сверкнув глазами, Джамиль резко повернулся и, тут же получив удар по ногам, упал на колени.

Грудью своего обвешанного серебряными украшениями коня Сарык столкнул юношу в пыль и, переступая через него, закончил:

– Там и будет видно, кто раб, а кто – потомок раба.

Конец ночи застал юношей в пути. Неестественно выпрямив спины, они сидели в седлах на своих тонконогих мускулистых скакунах. Вот только локти их были связаны за спиной, а ноги – под брюхом животных. Так они добрались до полуразрушенного рабата, возле которого накануне вечером Джамиль освободил Малика.

В прямоугольный двор рабата, выстроенного несколько веков назад, в начале девятого, а возможно, даже в конце восьмого века, вели расположенные друг против друга большие и малые ворота. Стены из сырцового кирпича местами исчезли, разрушившись до основания и превратившись в глиняные холмы. Круглые башни, когда-то бывшие грозными укреплениями, под ударами времени присели, оплыли, словно сторовшие свечи, и, казалось, равнодушно смотрели на добычу, заполнившую обширную площадь двора.

А «добыча» стонала, плакала, рыдала, неожиданно выхваченная из постелей в сладкий предзакатный час, разлученная с родными, подвергшаяся издевательствам и избиениям. Да и что ждало этих несчастных впереди? Ужасы тяжелейших переходов с веревкой на шее, вслед за безжалостным грабителем, едущим рысью и подгоняющим своих измученных рабов плетью? Годы работы в чужой стороне, где никто не проявит к ним ни малейшего сочувствия?

Дикие кочевники из хищной шайки гордо гарцевали вокруг, радуясь, что хурджины²⁰ их набиты серебром, дорогими шелковыми тканями, коврами, что они погонят захваченный скот и рабов. А жизнь человека, его страдания не имели в их глазах ни малейшего значения.

Все дальше и дальше на запад двигались разбойники, держа направление на Исфахан²¹. Связанные веревкой в длинную цепочку, медленно брели пленники. До чего же тяжело идти под палящим солнцем! Вяло передвигаются ноги. На лицах – безмерная усталость и полное безразличие к своей судьбе. Головы понуро опущены, пустые глаза смотрят вниз. Да и на что смотреть? Воздух пустыни редко бывает чистым и прозрачным. В нем постоянно висит мельчайшая пыль, и от этого как бы стираются грани отдаленных предметов: все зыбко, нечетко, нереально. Долгожданный ветер не приносит облегчения. Он бьет по лицу раскаленными песчинками, от него трескаются губы, сильнее сохнет во рту.

¹⁹ Ответ кочевника взят почти полностью из книги Арминия Вамбери «Путешествие по Средней Азии» (Часть 2. Сайт «Восточная Литература». «Средневековые источники Востока и Запада»).

²⁰ *Хурджин* – традиционная восточная сумка из ковровой ткани. Состоит из двух мешков и обычно украшена бубенчиками.

²¹ *Исфахан* – город в Иране, в 340 км к югу от Тегерана.

Едущий впереди каравана Сарык постоянно чувствовал чужой взгляд на своей худой спине. Даже не оглядываясь, мужчина знал, что это смотрят ему в спину серые глаза Джамилия. Юноша не спускал с разбойника глаз, как орел с ягненка. И, как это ни покажется странным, но этот взгляд вызывал в Сарыке раздражение и легкую тревогу. Мужчина нехотя поворачивал жилистую шею, встречался глазами с прозрачно-холодным взглядом и думал: «Правду говорят, что кипчака лучше сразу убить, иначе, раненный, он вернется даже с порога смерти, чтобы отомстить».

Уязвленная гордость Джамилия не знала ни мгновения покоя. Кто смеет распоряжаться его судьбой, кто смеет поднять на него, свободного кипчака, руку? Джамиль не чувствовал тяжести пути, он не боялся судьбы воина. Его мучила мысль о больном отце и жгли воспоминания о Гюллер. И хотя он был скорее фаталистом и верил, что все в руках Аллаха, но нет-нет, да и мелькала в его голове мысль, что было бы, если бы он поддался призыву Гюллер.

«Укради меня» – вновь и вновь слышал он слова девушки, видел ее прекрасное лицо, и его рука непроизвольно тянулась к груди – дотронуться до бусинки из бирюзы, висевшей на тонком кожаном ремешке, которая по какому-то недогляду ускользнула от жадных рук грабителей и не была сорвана.

Он не был сентиментален, этот бесстрашный юноша, но, как все люди своего времени, свято верил в амулеты. Голубой кусочек минерала был его талисманом, его оберегом. Рука хотела коснуться амулета, но веревка мешала, и взгляд его серых глаз, сверлящих спину Сарыка, становился все упрямей и жестче.

Итак, небольшой караван продвигался все дальше на запад. Правда, небольшим он стал после того, как грабители, собравшись у разрушенного рабата, поделили «добычу». Они делили долго и вдохновенно. Иной раз, не соглашаясь с результатами дележа, кочевники в негодовании швыряли на землю шапки и в бешенстве хватили себя за волосы.

После дележа «добыча» побрела в разные стороны. Кого-то ждут невольничьи рынки благословенной Бухары, лицемерно закрывающей глаза на продажу на своих рынках мусульман, иные же напрямик отправятся в степь, к юртам кочевников, и с цепями на ногах будут медленно умирать от тяжелой работы и недоедания.

Рыжий тонконогий конь с аккуратно обернутыми тканью ногами, для защиты от раскаленного песка, то уходил вперед, и тогда тоскливо бредущие пленники видели спину мужчины в красном ватном халате, то, придержанный опытной рукой, отставал и шел в ногу с пленниками. И тогда юноши видели темное вытянутое лицо с крючковатым носом, изуродованное рваным шрамом, и пустую правую глазницу, истекающую мелкими каплями слез. Что ж, не все набеги проходят безнаказанно, не все благополучно заканчиваются для его участников.

Одноглазый разбойник вызывал непривычное степнякам чувство омерзения. И не только потому, что был уродливо страшен, и не только потому, что от мужчины так отвратительно воняло протухшим козлом, что этот запах заставлял морщиться даже не избалованные ароматами ноздри кипчаков, и не только потому, что они были пленниками и, как все пленники, ненавидели своих мучителей. Нет, было еще что-то, что заставляло задыхаться и кипеть от бессильной ярости юные сердца.

В седле перед вонючим разбойником сидела красивая девочка-персиянка не старше четырнадцати лет. Юность всегда тянется к юности, даже в таких условиях. И Малик находил в себе силы еле слышно шептать пересохшими губами:

*– Переливаются волны волос,
Черные струйки закрученных кос...
Ну до чего ж хороша ты...!*²²

²² Строки из стихотворения каракалпакского поэта Бердаха «Невестка» (Бердах. Избранная лирика. Серия «Избранная

Всю дорогу девочка поворачивала голову назад и плакала. Позади лошади, привязанный к ней веревкой, бежал ее старый отец. Руки старика были скручены за спиной, на шее затянута петля волосяного аркана. Ноги старика заплетались от усталости, и было видно, что силы его на исходе.

Слезы текли по щекам девочки, и она, сжимая руки, молила своего хозяина:

– О сжался, сжался! Позволь мне поменяться местами с отцом.

– Замолчи, – сердился мужчина. Выпустить из рук нежную пери²³, заставить ее бежать за лошадью, а к себе в седло посадить эту развалину – да он даже слушать об этом не хочет. И мучитель стегал старика нагайкой, чтоб тот бежал резвей.

Жизнь средневекового кочевника полна трудностей, мучений, боли, смерти. В ней нет места состраданию, и, скорей всего, в другое время Джамиль равнодушной смотрел бы на происходящее. Кого волнует судьба рабов, тем более иноверцев? Но теперь он сам был в плену. Плачущая девочка напоминала ему Гюллер, а обессиленный крестьянин-перс заставлял мучительно раздумывать об участи оставленного отца.

Между тем трагедия, происходящая на глазах кипчаков, приближалась к своему закономерному концу. Старика шатало при каждом шаге. Согбенная от работы в поле спина, опухшие суставы худых рук, мелкое, морщинистое, словно усохшее, лицо с мутными глазами. Вот он остановился, не в силах сделать более ни одного шага, и упал на горячий песок барханов. Еще несколько шагов тело крестьянина волочило следом за лошадью. Наконец, одноглазый разбойник остановился и повернулся к упавшему.

– Отец! Отец! Позволь мне помочь ему, – рыдала девочка.

Не отвечая, мужчина выхватил саблю и одним взмахом отрубил персу голову. Из обезглавленного тела фонтаном брызнула кровь, окрашивая жалкие лохмотья старика ярко-красным цветом и расплываясь черным пятном по песку. Голова несчастного откатилась под ноги коня. Скосив единственный глаз, разбойник медленно слизал со сверкнувшего лезвия человеческую кровь.

Мгновенно застыв от горя, задохнувшись от невыплаканного рыдания, девочка в ужасе посмотрела на искривленное в смертной муке некогда родное лицо, на открытый беззубый рот и, теряя сознание, упала с крупа коня на песок, рядом с еще вздрагивающим телом отца. Джамиль рванул на помощь. Он забыл, что несвободен, что руки его связаны.

– Прочь, прочь! – вскричал одноглазый, тут же остро возненавидев Джамиля, его молодость, ловкость хоть и стесненных движений, красоту упрямого лица. Удары плетью градом посыпались на юношу. Стараясь увернуться, Джамиль отступил. Всадник наехал конем. Джамиль вновь отступил. Он не видел, что за его спиной начинался солончак, а одноглазый видел и намеренно остервенело теснил юношу корпусом коня в сторону солончака.

Солончаки лишь издали кажутся сухими и твердыми. Под белым налетом часто располагается топь, из которой никому не удавалось вырваться. Еще шаг назад...

– Берегись! – закричал Малик, но ноги Джамиля уже проломили тонкий верхний слой соли, и топкая грязь начала его быстро засасывать. Вовремя придержав лошадь, всадник остановился на твердой почве и наблюдал за судорожными попытками юноши выкарабкаться на берег. Но каждое движение Джамиля все дальше и дальше отдаляло его от твердой почвы и все глубже погружало в холодную полужидкую массу. Босые ноги безуспешно пытались отыскать в этой грязи хоть какую-то опору, хоть малейшую точку, от которой можно было бы оттолкнуться и выскочить. Все напрасно.

лирика Востока», – Издательство ЦК Компартии Узбекистана, 1984. – С. 28).

²³ *Пери* – в персидской мифологии – фантастическое существо в виде прекрасной девушки.

Нет людей, которые бы не испугались утонуть в грязи, даже если тебе шестнадцать лет, и ты бесстрашен и смел. Страх схватил Джамиля за ноги, и они словно заledenели, пополз вверх, в живот, и двинулся жуткой тошнотой к горлу. Неужели еще пара движений, отчаянный крик, и все кончится?

Но, к счастью юноши, он был связан веревкой с другими пленниками. Это его и спасло. Малик упал рядом с топью на землю и, упираясь, не давал Джамилю утонуть. Может, у одного Малика и не хватило бы сил выхватить друга из жадных вязких лап топи, но, связанные общей веревкой, пленники вынуждены были помогать, и медленно Джамиль был вытасчен из жижи. Продолжая крепко держать друг друга за руки, побратимы лежали без сил на песке.

– Разве это твоя добыча? – услышали они над собой слова Сарыка. Все время, пока пленники занимались спасением Джамиля, он, подъехав, спокойно восседал на своем коне. Одноглазый промолчал. Сарык был прав – Джамиль принадлежал не одноглазому, и не он был волен его убить.

Развернув лошадь, одноглазый подъехал к продолжавшей лежать без движений девочке, не слезая с седла, наклонился, подхватил ее и грубо перебросил через седло. Пусть эта дрянь привыкает к своей судьбе покорной жены.

– Вперед, скоты! Что разлеглись, словно на подушках айвана²⁴? – и, зазвенев серебряной уздечкой, Сарык двинулся вдоль каравана. Развороченная грязь солончака, медленно колыхаясь, приходила в равновесие. Вскоре уже невозможно было определить то место, где едва не утонул Джамиль.

* * *

Костер из саксаула горел долго и жарко. В безветрии дым поднимался в небо серым столбом. На фоне все темнеющего неба плыл месяц. Пленники лежали на земле в стороне от костра и страдали от запаха вареного риса и выпеченных в золе лепешек. Их почти не кормили. Мысли о еде все сильнее овладевали измученным сознанием.

– Он похож на ломтик дыни, – сказал Малик.

Джамиль нехотя повернул голову.

– От голода что только не привидится, – произнес он, но все же посмотрел в небо. Молодой месяц действительно был похож на сочный ломтик сладкой бухарской дыни – так бы и впился в него крепкими зубами.

– Знаешь, луна так далеко от нас, что ее видно и в других местах, – продолжил Малик. – Возможно, сейчас кто-то возле наших юрт сидит и смотрит на нее. И тогда взгляды могут встретиться на ее белой поверхности и прикоснуться друг к другу.

Джамиль недоверчиво посмотрел на Малика и, ничего не сказав, вновь вернулся к созерцанию луны. Его рука потянулась коснуться кусочка бирюзы. Под заскорузлыми лохмотьями, в которые превратилась его одежда, амулета не было. Джамиль сел и еще раз быстро себя ощупал. Никаких сомнений – амулета нет. Исчез ли он в грязи солончака или соскользнул с разорвавшегося шнурка и остался лежать голубым пятнышком в бескрайнем море песка – кто знает? Но он потерян.

Непривычная грусть холодной, скользкой змеей вползла в сердце Джамиля. Придавленный тоской, Джамиль вновь лег на спину, продолжая смотреть на голубовато-серебряный месяц. И вдруг странное ощущение овладело им. Он словно почувствовал чужой взгляд, который, отразившись от месяца, проник в душу. Но это не был взгляд Гюллер или кого-то из родных, хотя он думал именно о них.

– Я не знаю, кто ты, но, уверен, ты – друг.

---

²⁴ Айван – терраса с плоским покрытием, располагающаяся на столбах.

Джамиль закрыл глаза и впервые со дня плена погрузился в спокойный сон. Малик еще несколько времени продолжал смотреть в небо, затем, взглянув на Джамиля и увидев, что тот спит, хмыкнул, как бы говоря: «Ну, конечно».

Глава шестая, в которой благочестивые пилигримы доверили свою судьбу дорогам

И тот, кто возьмает в душе намерение двинуться в это святое паломничество и даст о том обет Богу, и принесет Ему себя в живую, святую и весьма удобную жертву, пусть носит изображение креста Господня на челе или на груди. Тот же, кто пожелает, дав обет, вернуться (снять обет), пусть поместит это изображение на спине промеж лопаток...

Клермонский призыв

(из хроники Роберта Реймского, «Иерусалимская история»)

– Юли-юли-юли, – чисто, звонко, даже, казалось, восторженно выводил трели лесной жаворонок с милым названием «юла». Сойдя с дороги, Андрэ шагнул к опушке, заросшей невысоким кустарником, и остановился, слушая. Маленькая, размером с воробья, бурая птичка опасно покосилась на подошедшего. Но так как Андрэ замер, стараясь даже поменьше моргать, юла успокоилась, повертела головой с пушистым хохолком и вновь зазвенела.

– Андрэ, где ты? – громко раздалось почти рядом, и, топая разбитыми башмаками, подошел Эрмон.

– Тсс, – зашептал Андрэ, но было поздно – жаворонок вспорхнул и исчез.

– Жаль, испугнул. Как сладко пела эта птаха!

В ответ Эрмон скривился, явно предпочитая птиц лишь в жареном виде. Они вернулись на дорогу и, смешавшись с другими паломниками, не спеша пошли дальше.

Странное и печальное зрелище представляли собой дороги Европы весной 1096 года. Рыцари, феодалы, сеньоры еще только готовились к походу, а беднота торопливо и необдуманно, одержимая жаждой спасения и возможностью в одночасье получить отпущение грехов, страхом голода и страстью к бродяжничеству, уже брела по Европе на защиту Святой Земли, словно спеша обогнать рыцарство.

Тысячи людей с нашитыми на одежде или наколотыми на лице крестами, вооруженные чем попало, медленно двигались на восток. Воры, разбойники, сбежавшие преступники вылезли из притонов и шли искупать свои преступления в бою с врагами Иисуса Христа. Крестьяне и пешие воины, люди преклонного возраста и калеки, женщины и дети – как они рассчитывали нападать на врага, как надеялись отразить нападение?

Изголодавшиеся горемыки, двинувшиеся искать лучшей доли, они брели от одного города к другому, ночуя в лесу или поле, множеством ног разбивая в пыль дорогу, полностью вытаптывая придорожную траву.

Дряхлая кляча, которую и лошадьё-то назвать было трудно, понуро и грустно тащила небольшую двухколесную телегу. Когда-то, лет этак двадцать назад, животное было благородной вороной масти. Но эти времена давно прошли. Лошадь поседела. На раздутых, тяжело вздымавшихся боках можно было пересчитать ребра. Губы поросли жесткой щетиной. Желтые зубы шатались, когда лошадь пыталась перетирать ими корм. Тележка, которую она везла, выглядела не лучше. Деревянные колеса нещадно скрипели, громко требуя масла. Каждая рытвина на дороге безжалостно подбрасывала ветхий возок, и казалось, что уж следующий подскок будет последним, и возок, не выдержав, просто распадется на составляющие его части.

Но скрипя и шатаясь, телега, тем не менее, продвигалась вперед и даже везла человека. Прислонившись спиной к бортику, на охапке соломы сидела закутанная в серый плащ женщина. Черные волосы, свисая прядями, закрывали ее лицо. Но вот женщина отбросила волосы

назад и оказалась юной, не старше пятнадцати лет, девушкой. Кожа ее слегка удлиненного лица была гладкой и золотисто-смуглой, карие глаза – большими, пунцовые губы изгибались в улыбке, а зубы сверкали белизной. Девушка была худа, но худа той здоровой, молодой худобой, что приятна для глаз.

– Посмотри, какая хорошенькая крестьяночка и как блестят ее хитренькие глазки. С перчиком девчонка, – и Эрмон подтолкнул Андрэ плечом. – Готов всю дорогу до Иерусалима идти за этой телегой.

– Даже глотая пыль, которую она поднимает? – насмешливо спросил Андрэ. – Давай лучше пойдем рядом.

– А ты думаешь, ее папаша не огреет нас тогда кнутом? Смотри, как он, поворачиваясь, сверкает на нас глазами. Как будто есть чем поживиться в его нищей телеге. Эй, хозяин, ты нас не бойся, мы не воры – мы благочестивые пилигримы, идем, как и все, в Святую Землю. О, Андрэ, да это же наш знакомый – любитель поговорить, знаток турнирных правил.

– Добрый день! – сказал Андрэ, поравнявшись с хозяином. – Ты помнишь нас?

– Хэ, – неприветливо ответил мужчина, продолжая идти рядом с лошадью, умышленно старательно понукая ее и косясь на Андрэ.

– Солнце уже высоко, – продолжил Андрэ, – давайте сделаем остановку. У меня в мешке есть немного зерна, твоя дочь сварит нам похлебку, а мы поговорим.

Кто же откажется от еды? Крестьянин с такой силой и шумом втянул носом воздух, что его ноздри расширились, демонстрируя торчащие в них темными иглами заросли, и, соглашаясь, быстро кивнул нечесаной головой. Вскоре путники заметили небольшую, покрытую травой и кустарником, поляну, возле которой протекал ручей. Здесь и остановились.

Жак – так звали крестьянина – аккуратно распряг лошадь и, стреножив ей ноги, пустил попасись, внимательно приглядывая за ней, гораздо внимательней, чем за дочерью. Но, как вскоре выяснилось, приглядывать за дочерью необходимости и не было.

Эрмон, поначалу ретиво вызвавшийся помочь девушке собирать хворост, очень быстро изменил свое намерение и вернулся к костру, стараясь поворачивать голову так, чтобы не был виден быстро припухающий глаз. В ответ на ироничный взгляд Андрэ Эрмон недовольно перевернул плечами и отвернулся. Жак задумчиво почесал заросшую щеку и, вороша веткой разгорающийся костер, продолжил, по-крестьянски не торопясь, обстоятельно рассказывать:

– Мать Клодин умерла во время родов. Хорошая была женщина, работящая. Бывало, все хлопочет и хлопочет...

Жак замолчал, видимо, вспоминая жену, при этом его насупленные черты разгладились и словно помолодели. Потом он вздохнул, шевельнув косматыми бровями, и договорил:

– Так вот и остались мы с малышкой одни. Думал, и дитя умрет. Куда ж ему выжить без матери? Но нет, ничего. Коза выкормила. Хорошая была коза. Бодливая, правда, все так прямо и норовила с разбегу наскочить, но молока много давала. Да, тяжело нам с дочкой живется. Ох, как тяжело! Овец пасу, а когда сам мясо ел, и не вспомню.

Тут Жак запустил всю пятерню в спутанные волосы на затылке, прижмурил глаза и мечтательно произнес:

– Монах сказал: «Иерусалим – это пуп земли, второй рай. Земля там течет молоком и медом». Значит, вернулся я в тот день домой да и продал свою хижину. Взял эти гроши, посадил Клодин на телегу и поехал. Едем мы, едем, а все нет Иерусалима. Не знаешь, далеко ли еще?

– Далекo, – коротко ответил Андрэ.

Жак открыл рот, чтобы еще что-то спросить, но его бесцеремонно перебил Эрмон.

– А чем ты собираешься сражаться с неверными? – презрительно спросил он. – Или ты думаешь, сарацины²⁵ сами все отдадут, как только увидят твоего одра²⁶ и твою заросшую рожу?

– Ну нет, оружие-то я приготовил, – важно сказал Жак. Он встал, подошел к телеге, поворошил сено и достал из-под сена мешок. Развязав веревку, Жак вынул из мешка наточенный топор.

Андрэ задумчиво разглядывал «оружие». Сам он был вооружен самодельным луком и крепкой палкой. И хотя владел он этим оружием простолюдинов превосходно, отсутствие настоящего оружия его очень беспокоило.

После скудной похлебки, которую Клодин состряпала из горсти зерна и каких-то корней, найденных ею в поле, Эрмон направился за холм. Обычно для своих естественных надобностей он, не особенно церемонясь, далеко не отходил. Но сегодня возле костра сидела Клодин, сверкая искорками смешливых глаз, и Эрмон решил уйти подальше. Как назло, местность вокруг была равнинной, кусты, встречавшиеся на пути, – низкими, и Эрмон шел все дальше и дальше, туда, где впереди возвышался холм.

Апрель был в разгаре. Земля жадно впитывала горячие лучи полуденного солнца. Полевые жаворонки в ожидании прилета самочек непрерывно и трогательно распевали свои песни, паря так высоко, что, казалось, дивные звуки просто льются с голубого неба. После обильных дождей между кустарниками и высокой травой сохранялись большие лужи и даже озерца воды, которые Эрмону приходилось обходить, увязая в грязи. Он отошел уже на значительное расстояние от дороги, но, поворачиваясь, все видел сидящих у костра. Наконец, обойдя большой холм, наверное, единственный в этой плоской местности, он получил возможность уединиться.

Неожиданно чуть поодаль Эрмон увидел картину, наполнившую его сердце удовольствием. На теплом пригорке паслись овцы, мирно и неторопливо пощипывая траву. Некоторые из пушистых особей были уже столь сыты, что уютно улеглись животами в ямки в земле и отдыхали, как бы нехотя срывая и пережевывая торчащую вокруг траву. Эрмон только что поел, но разве можно утолить молодой голод похлебкой из ячменя? Его рот непроизвольно наполнился слюной, предвкушая вкус жаренного на огне мяса. Он сглотнул пресную слюну и тут же решил украсть овцу – вон ту небольшую, рыженькую, что находилась поблизости.

Разумеется, овцы были не одни. Был и пастух в накинутом на плечи коротком плаще, настолько старом и истрепанном, что, казалось, лишь большие, нашитые по всему плащу разноцветные заплатки удерживают оный от полного расползания. На лоб пастуха была надвинута высокая коричневая шапка в виде колпака. Бросая время от времени быстрый взгляд на овец, мужчина спокойно вязал чулок, странно примостившись на вершине трех составленных пирамидкой палок.

Эрмон так спешил, так был уверен в своей удаче, что даже не стал задумываться, как и, главное, зачем пастух забрался на эту «пирамиду». Он лишь внимательно осмотрелся в поисках пса – самой большой, как он считал, опасности в таком деле, как присвоение чужой собственности. Не найдя глазами собаки, Эрмон отполз в сторону, чтобы находиться за спиной у глупого пастуха.

– Даже если эта «птичка», – презрительно подумал Эрмон, – бросится за мной в погоню, то пока спрыгнет со своих палок и побежит, я уже добежу до дороги, а там столько паломников, что он не осмелится отнимать у меня овцу.

Подобравшись к молоденькой ярке, Эрмон схватил ее за кучерявую шерсть, вскинул себе на плечи и поспешил к дороге. Овца была тяжелой, но, как известно, своя ноша не тянет. А Эрмон уже считал овцу своей. Потому он хотя и согнулся, крепко держа тонкие овечьи ноги,

---

²⁵ *Сарацины* – этим именем во времена крестовых походов европейские авторы называли мусульман.

²⁶ *Одр* – старая, изнуренная рабочая лошадь.

однако двигался легко, наслаждаясь бегом, абсолютно уверенный, что пастух остался где-то далеко позади.

Тем неожиданной и неприятной были для него последующие события. Сильнейший удар концом жердины в спину прервал и его победный бег, и радужные мысли. Не ожидая ничего подобного, Эрмон споткнулся и со всего размаху упал в небольшое озерцо со стоячей водой, подняв столб брызг и прервав блаженное кваканье лягушек, которые с перепугу запрыгали в разные стороны. Овца, перелетев через голову упавшего, несколько раз перекувыркнулась и, встав на ноги, пошла прочь, прихрамывая и обиженно бляя.

Мокрый, покрытый противными студенистыми комочками лягушачьей икры, грабитель на четвереньках выполз из озерца. И тут его взору предстала картина, сначала его изумившая, а затем и испугавшая.

Прямо перед собой он увидел две стоящие на земле палки. Взгляд Эрмона медленно пополз по палкам вверх, и на высоте человеческого роста он увидел ноги в обмотках, прикрепленные к этим палкам тонкими ремешками у лодыжек и под коленями. А еще выше Эрмон обнаружил и самого пастуха, уверенно стоящего на этих ходулях. Проживая в пересеченной болотистой местности, пастухи считали, что на ходулях они быстрее поспевают за стадом, и у них больше шансов увидеть волков.

Итак, пастух не сидел на трех палках, составленных пирамидой – он стоял на ходулях и опирался задом на палку с небольшой поперечной перекладиной, а потому не спрыгивал с палок, как предполагал Эрмон, а тут же, не теряя времени, бросился за вором в погоню. Словно сказочный великан, возвышался пастух над стоящим на коленях растерявшимся Эрмоном. И сердце пастуха не дрогнуло от жалкого вида неудачливого воришки. Оно справедливо жаждало возмездия. Злорадно и хищно усмехаясь, медленно поднял он свою почти двухметровую жердину.

Вскоре сидящие у костра слышали крики и, обернувшись, увидели, что по полю, разбирая дороги, бежит Эрмон, а за ним на высоких ходулях, делая огромные шаги, двигается пастух и равномерно лупит своей длинной палкой по спине, плечам, голове Эрмона. После каждого удара Эрмон все сильнее выгибал тело, пытаясь увеличить скорость, и от этого казалось, что он несется впереди своих ног.

При виде этого зрелища у Жака округлились глаза и открылся рот, что, как считают физиономисты, является главным признаком удивления. Клодин ахнула и всплеснула руками. Быстрее всех оценил ситуацию Андрэ.

Стремительно вскочив, он ринулся навстречу и успел перехватить палку как раз в момент очередного удара. Выяснив все обстоятельства, Андрэ достал деньги. Причем ему пришлось довольно долго шарить по углам своего тощего кошелька, чтобы отыскать одинокую монету. Но монета этих поисков стоила. Это был денарий, и не из биллона – сплава с большим количеством меди, а из полновесного серебра.

Увидев денарий или, как называли его во Франции, денье, пастух успокоился, аккуратно спрятал монету и, ловко подхватив бляющую овцу, отдал животное Андрэ. Затем он несколько опасливо посмотрел на огромные толпы проходящих паломников, развернулся и, быстро шагая, исчез за холмом.

Андрэ вскинул овцу на плечо и пошел к костру. Побитый Эрмон плелся сзади, поводил спиной, морщился и ворчал:

– Ну, и зачем ты отдал последние деньги? Нам еще идти и идти. Что мы будем есть? Все равно придется брать так.

– А как же заповедь «не укради»? – насмешливо спросил Андрэ, сбрасывая овцу у костра.

– Папа освободил нас от всех грехов, нами содеянных, – мрачно сообщил Эрмон и добавил воинственно: – Чем просить ради Христа, лучше отнять из-за куста.

Тут, резко повернувшись, он непроизвольно застонал. Клодин хихикнула.

– Ну, разошлась, не остановишь. Довольно! Хватит! – гневно прикрикнул Эрмон. Клодин не обиделась, а проговорила заботливо:

– Сними рубаху, покажи спину.

Под нежным взглядом красивых глаз Клодин Эрмон смягчился и даже начал стягивать мокрую рубаху, но неожиданно за его спиной раздалось какое-то бульканье. Эрмон и Андрэ удивленно переглянулись и повернулись на звук.

Оказалось, что это странное бульканье является смехом Жака. Крестьянин потряхивал головой, небольшие глаза его почти закрылись, среди зарослей бороды, демонстрируя крепкие темно-желтые зубы, открылся рот, и из него доносилось: «Охе-хе-хе-хе!»

– Ты чего? – неприязненно спросил Эрмон.

– Как ты от палки-то бежал – не любишь, значит, – продолжая хекать и булькать, проговорил Жак. – Ну ты и воин! Вот так воин! Это не от меня, а от тебя все сарацины разбегутся. Да столкнул бы его самого с его ходулями в лужу. Так нет, удираешь, как заяц от лисы. Охе-хе-хе!

Эрмон аж затрясся от злости, понимая, что крестьянин прав.

– Гусак! Истинно гусак длинношей! Все уже забыли, а он только смеяться начал. Закрой рот! – зло крикнул он на Жака и показал движением пальцев, как тому надо закрыть рот. – И потом, я не удирал, – Эрмон быстро посмотрел на Жака и, гордо вскинув голову, закончил: – ...а препроводил пастуха к Андрэ, чтобы тот мог расплатиться за овцу.

Тут уже смех одолел всех. Звонким колокольчиком заливалась Клодин. Булькал и хекал Жак. Добродушно смеялся Андрэ. Эрмон сверкнул глазами и, махнув рукой, тоже засмеялся. Жак перестал смеяться так же внезапно, как и начал, а закрыв рот, недоверчиво спросил:

– Что, до Иерусалима правда далеко идти?

В ответ Андрэ лишь развел руками:

– Впереди еще несколько стран. До осени, думаю, дойдем.

Кража, которую так неудачно пытался совершить Эрмон, была не первой и не единственной в среде паломников. Несведущие в географии крестьяне плохо представляли себе, где находится Иерусалим и сколько нужно до него идти. Вскоре припасы, взятые из дома, кончились, денег не было, воровство стало повсеместным, а затем и вовсе перешло в разбой.

Андрэ в этом не участвовал. Он пытался пополнять запасы охотой, принося то убитого кролика, то барсука, то голубя. Клодин собирала ягоды, травы, выкапывала корни. Но Эрмон с Жаком, несмотря на различие характеров и разницу в возрасте, – впрочем, кто в те далекие времена точно знал свой возраст? – очень сдружились и вместе отправлялись красть, а то и просто отбирать у хозяев все, что заблагорассудится. При этом благочестивые пилигримы как-то забывали, что они отправились в далекий путь со святой целью – не только отобрать Гроб Господень у неверных, но и защитить от них братьев-христиан. И проходя по странам Европы, в большинстве своем христианским, преспокойно грабили местное население.

Жак, никогда ранее не бравший чужого, очень быстро этому научился. Ему импонировала идея брать, ничего не давая взамен, словно свободные охотники в никому не принадлежавшем лесу. Причем забирали не только продовольствие: Жак, со свойственной ему крестьянской обстоятельностью, захватывал и одежду, и горшки, и даже старые подковы – в хозяйстве все сгодится. После возвращения он долго рассматривал и разглаживал принесенный предмет, а затем старательно прятал его на дно телеги, прикрывая сеном.

Для Эрмона это служило еще одной темой для насмешек. У него теперь был постоянный объект для его зловердных шуток.

– Ну, и для чего тебе эта старая подкова? Она такого размера, что сквозь нее можно проташить две ноги твоего боевого коня. Смотри, перегрузишь возок, кляча не дотянет до Иерусалима, и тогда сам возок потащишь. Впрочем, тогда твои подковы и пригодятся – мы ими тебя и подкуем для резвости.

– Мне кажется, ухаживая за девушкой, не стоит бесконечно высмеивать ее отца, – осторожно шептал Эрмону Андрэ после очередной шутки.

Эрмон отмахивался. А Жак не обижался – ему как будто нравился скорый на язык, веселый, шумный юноша. В ответ на шутки Эрмона он пожимал плечами и скреб щеку. Жак пугался лишь, когда Эрмон говорил о том, что лошадь сдохнет. Тогда он начинал беспокойно ходить вокруг животного, любовно оглядывая и ласково похлопывая его.

– Кыш! – махал он руками на дочь, когда та, устав, пыталась присесть на край тележки.

– Что за дурацкая башка! – тут же вступался за девушку Эрмон. – Клянусь апостолом Петром, ты, Жак, пренебрегаешь здравым смыслом. Давно тебе следовало поменяться местами со своей кобылой. Пускай она лежит на сене, а ты вези. И все довольны будут.

Сам Жак всегда шел рядом с телегой, не позволяя себе напрягать животное. И Жака можно было понять – он был единственный, в чей возок была запряжена лошадь. Остальные крестьяне если и везли с собой в далекий Иерусалим свой скарб и малых детей, то их телеги тащили подкованные быки.

Однажды ночью, когда паломники уже находились на венгерских землях, Андрэ, спящий под телегой с накрученным на руку поводом лошади, чтобы не увели воры, был разбужен восклицаниями Клодин. Он выбрался из-под телеги и обнаружил, что Клодин стоит на коленях перед лежащим на траве человеком. Быстро приблизившись, Андрэ увидел распростертое тело Жака, виноватое лицо Эрмона и понял, что случилось несчастье. Размазывая по усталому, грязному лицу пот и слезы, Эрмон рассказал, что произошло.

Отправившись в приближающихся сумерках на свой обычный промысел в небольшую деревню, расположенную недалеко, паломники с удивлением обнаружили, что деревня абсолютно пуста. Не желая встречаться с крестоносцами, забрав имущество и живность, жители заблаговременно ее покинули.

Ничем не поживившись, раздосадованные пилигримы разбрелись кто куда. А Эрмон с Жаком углубились в лес и вскоре достигли небольшой реки, медленно несущей свои воды. Пройдя вдоль берега в пугающую глубину леса, они услышали шум падающей воды и обнаружили запруду из жердей, кольев, связок хвороста. Вырываясь из плена запруды, вода круто падала на лопасти огромного колеса. Перед приятелями была водяная мельница, и она работала.

Опасливо приблизившись к небольшому оконцу в толстой стене и заглянув в него, воришки обнаружили в комнате лишь мельника – пожилого суховатого мужчину, спокойно подставлявшего мешки под ссыпавшуюся из желоба муку. Мелкая белая пыль туманом наполнила просторную комнату, неспешно покрывая пол, стены, паутину, живописно свисавшую с низких дубовых балок, лицо мельника.

Видимо, почувствовав на себе чужие взгляды, мельник повернулся к окну и всмотрелся в него, но разглядеть во тьме за окном ничего не смог, тем более что приятели быстро юркнули вниз к земле и, стараясь не шуметь, поспешили вокруг мельницы к крыльцу. Дверь оказалась незапертой, и мельник, который, успокоившись, отвел взгляд от окна и вернулся к наполнению мешков, был внезапно атакован.

Быстро ворвавшись в помещение и не тратя времени на разговоры, во-первых, потому, что и разговаривали-то они с венграми на разных языках, но в большей степени потому, что уже привыкли к грабежу, франки начали бесцеремонно наполнять принесенные с собой мешки: Эрмон – мукой, а Жак – пшеницей, так как он очень переживал, что его кобыла вынуждена есть только траву, от которой у лошади начинались желудочные колики. Жаком давно владела мысль, что, если кормить лошадь отборной пшеницей, она не будет так дряхлеть и наберет силы. И заботливый Жак нагреб целый мешок зерна.

Мельник попробовал помешать франкам хозяйничать, но его с силой оттолкнули. Ударившись спиной о деревянную стену, хозяин съехал по ней на пол, а затем на коленях выполз

за дверь. Поглощенные делом, Эрмон и Жак не обратили на исчезновение мельника никакого внимания. Они уже привыкли к безнаказанности и потеряли осторожность, а зря.

Заскрипела дверь, и, оглянувшись, франки обомлели. Возле дверей стоял все тот же пожилой мельник, но за его спиной маячили два таких здоровых молодца с увесистыми дубинками в руках, что это обстоятельство сильно обнадеживало мельника в скором торжестве справедливости. Мельник улыбался ласково и как бы даже подмигнул растерявшимся воришкам, словно хотел сказать: «Сейчас, сейчас мы доставим вам полное удовольствие».

Старые синяки на спине и плечах Эрмона неприятно заныли. Жак с шумом втянул носом воздух и поскреб заросли на щеке.

Через несколько минут все участники «сражения» были покрыты мукой с головы до ног. На вспотевших лицах образовались белые маски, делаая их неузнаваемыми. Стараясь прорваться к двери, Эрмон отбивался палкой. И надо сказать, что в драке он был не столь ловок, как в работе языком. Может быть, если бы Жак также отбивался, пилигримы отделались бы лишь синяками. Но Жак, одержимым своей идеей спасения лошади, как клещами, вцепился в мешок, наполненный пшеницей, и, прижимая его к груди, только старался увернуться от ударов.

– Брось мешок! – кричал Эрмон. – Дерись, баран пустоголовый!

Но втянув голову в плечи и набычившись, Жак лишь выставлял плечи навстречу дубинкам. Нежелание упрямого франка расставаться с мешком не принадлежавшего ему зерна вызывало в венграх вполне обоснованное раздражение, и они выплескивали это раздражение, колотя воров безжалостно и вдохновенно.

– Беги! – заорал Эрмон, когда они, наконец, с трудом добрались до спасительной двери. Рванувшись напролом, Жак буквально вывалился за дверь, успев все же получить напоследок сильный удар по голове. Следом выскочил Эрмон.

Ночь уже вступила в свои права. Отсутствие луны делало темноту непроглядной. Но тихий шум реки указал обратный путь. Не слыша за собой погони, Эрмон шагнул с берега прямо в воду, вымыл лицо, напился шумно и жадно, словно пришедшее на водопой животное. Повернув голову, он с удивлением увидел, что Жак все еще стоит на том же месте, где они остановились.

– Ты что же, не хочешь пить? – удивился Эрмон. – Да брось ты, наконец, свой мешок – вцепился, словно он полон золота.

Вдруг коренастый, крепкий, полный нескончаемых жизненных сил Жак, не говоря ни слова, упал, как подрубленное дерево. С тихим шуршанием из опрокинутого мешка потекло на траву зерно. И именно это ранее столь горячо прижимаемое к телу зерно, а теперь брошенное и рассыпаемое, заставило сердце Эрмона болезненно сжаться. Он сделал шаг к Жаку и недоверчиво окликнул:

– Эй, ты чего?

Ответом было молчание. Эрмон постоял еще секунду, не веря происходящему, а затем бросился к мужчине, перевернул того на спину и вдруг почувствовал, что его рука стала мокрой. Он поднес руку к глазам и в свете восходящей луны увидел, что это кровь. Она текла толчками из пробитой головы Жака. Последний удар, который получил Жак, повернувшись спиной к нападавшим, оказался для него роковым.

Оторвав кусок рубахи, Эрмон, как мог, забинтовал голову мужчины, пытаясь остановить кровь, обмыл лицо и шею. При этом он все похлопывал Жака по щекам, пытаясь привести того в чувство.

– Эй, эй, баран пустоголовый, очнись, – ласково приговаривал он.

Жак не отвечал. Он тяжело и прерывисто дышал, не открывая глаз. Эрмон, этот болтун, выскочка, пустозвон, почувствовал необыкновенную горечь. Из его глаз покатались слезы.

– У-у-у, погань, нежить, нечестивцы! Рано торжествуете, душегубы! Я вам покажу! – зашептал он. – Я сейчас вернусь, я мигом, – обратился он к не слышавшему его Жаку и, аккуратно положив голову раненого на траву, Эрмон бросился назад, к мельнице.

Вскоре он вернулся, хрипло дыша от бега. Жак лежал на том же месте. Эрмон подхватил бесчувственное тело под мышки и, напрягаясь, поволок по траве. Брошенный мешок со злополучным зерном остался на берегу.

В той стороне, откуда они пришли и где находилась мельница, небо потихоньку озарялось. Потом огромной желтой гривой вверх рвануло пламя, и полетел целый рой ярких искр. Потянуло дымом, послышался треск и рычание пожара, крики людей. Злорадно-мстительное выражение на лице Эрмона ясно говорило, что он имеет к этому пожару самое прямое отношение.

К стоянке паломников Эрмон с Жаком добрался глубокой ночью. Еще несколько часов тихо плачущая Клодин хлопотала вокруг отца, пытаясь остановить кровь, продолжающуюся просачиваться сквозь повязку. Ей помогал Андрэ. Эрмон, рассказавший, как было дело, и несколько раз пытавшимся похвалиться ловкостью, с какой он подпалил мельницу, отомстив за удар, вскоре тоскливо замолчал и сидел на траве, обхватив руками опущенную голову.

Все знают, что жизнь конечна, но, когда наталкиваются на ту тонкую грань, которая отделяет жизнь от смерти, бывают безмерно потрясены. Один удар – и жизнь потеряна безвозвратно.

Перед рассветом Жак пришел в себя, обвел всех мутноватым взглядом.

– Не оставляйте Клодин. Будьте ей защитой, – с трудом прошептал он несколько слов. Клодин сотряслась в рыданиях.

Дыхание Жака неожиданно стало спокойным, словно тело смирилось с приближением смерти и перестало бороться. Все краски жизни сошли с заострившегося лица, обветренная загорелая кожа цвета каленого ореха стала незнакомо бледной. Нос блестел, как слоновая кость, виски запали. Непокорные, прежде торчащие во все стороны волосы шевелились, раздуваемые ночным ветром, подчеркивая полную неподвижность тела. Весь он как-то вытянулся, похудел. Сложив на груди тяжелые, наработавшиеся руки и закрыв глаза, Жак умер с первыми лучами восходящего солнца.

– Не плачь, дочь моя, – проговорил бедный священник, пришедший проводить Жака в последний путь, – он принес себя в святую жертву, весьма угодную Богу.

Похоронили Жака недалеко от дороги. Долго сидела Клодин рядом со свежей могилой, не в силах уйти. Андрэ и Эрмон не мешали ей и не торопили. Наконец, девушка положила на земляной холмик маленький букет полевых цветов, встала и, не оглядываясь, пошла к дороге. Вновь заскрипели колеса дряхлого возка. Крестonosцы продолжили свой путь.

Глава седьмая, в которой Андрэ, Эрмон и Клодин восхищаются Константинополем

На верху невысокого холма находилась плоская площадка. Быстрый ручей сбегал по склону холма, и его искрящаяся влага терялась где-то среди серых камней, в ажурной тени надменно высокомерных кустов олеандра, пунцовые цветы которого пламенели на фоне темной зелени.

Русоволосый гигант стоял на самом краю площадки. Отросшие волосы достигали плеч. Белая кожа лица покрылась дорожным загаром и заросла волнистой бородой. Внимательные глаза ярко голубели под густыми бровями.

Чуть поодаль стояли его товарищи. Как всегда, веселый, жизнерадостный Эрмон, блестя желтовато-карими глазами, полными затаенной хитрости и своеволия, быстро вертел головой, спеша все увидеть. Прислонившись к его худому, острому плечу, неподвижно стояла Клодин, и только ее длинные волосы отлетали в сторону под порывами легкого ветерка.

Край был великолепен. С высоты холма открывались необъятные просторы, окаймленные серебристой полосой моря.

Но не эти просторы, не вечно меняющееся море приковали к себе внимание пилигримов. Потрясенно и завороженно они разглядывали Константинополь, ибо не могли и представить себе, что где-нибудь на свете может существовать такой восхитительный город, соединивший в себе греческую античность и роскошь азиатского Востока. Ни один город Европы даже близко не мог соперничать с «оком Вселенной», как сами византийцы называли свою царственную столицу.

– Лишь в волшебном сне могло пригрезиться такое чудо, – проговорил Андрэ, выразив словами общее чувство.

Мощная стена, сложенная из глыб тесаного камня и рядов кирпича, тянулась от Мраморного моря до залива Золотой рог. Через равные промежутки стену прорезали высокие шестиугольные башни. Цветущие сады, виноградники, острые пирамидки кипарисов окружали роскошные поместья, разбросанные вокруг города. Сады росли и внутри «царицы городов», чередуясь с дворцами, великолепными общественными зданиями, соборами, несущими в небо высокие купола и пленяющими бесчисленным золотым убранством.

– Неужели такому городу нужна наша помощь? – растерянно задавал себе вопрос Андрэ.

Он оглянулся на «Христово воинство», находившееся в пути долгих три месяца. Нищие крестьяне, неотесанные простолюдины, в одночасье ставшие воинами, рыцари-плебеи, не имевшие лошадей, усталые женщины с подвязанными к груди детьми, измученные дорогой, истерзанные болезнями, насекомыми, паршой, покалеченные, грязные, в грубых, истлевающих на теле одеждах, часто босые, без оружия и денег.

Если пришедшие франки были потрясены сказочным богатством Константинополя, то ромеи, как называли себя жители Византии, были не менее поражены непрошеными гостями. Они ожидали войско, которое поможет им в борьбе с турками-сельджуками²⁷, а не орду бедноты.

Все же *басилевс*²⁸ Алексей I Комнин милостиво впустил пришедших в столицу империи. Распахнулись окованные железом створки высоких ворот, и оборванные «спасители» растерянно разбрелись по городу, дивясь широким проспектам, пересекавшим Константинополь,

---

²⁷ *Сельджуки* – первая турецкая династия, армии которой подчинили себе большую часть Византийской империи.

²⁸ *Басилевс* – титул византийских императоров.

изумленно разглядывая красивые улицы, украшенные античными статуями, удивляясь количеству богатых лавок и обилию изящных вещей в них. Как мягко светились изделия, выточенные из слоновой кости, как тускло блестела бронза, оправленная в серебро, как переливались украшения из цветной эмали! Даже выставленные на продажу фрукты были самого лучшего качества и красиво выложены в прозрачных стеклянных вазах, необычно для глаз пришедших. От всей этой роскоши, словно выставленной напоказ, у крестоносцев мутился рассудок и закипала кровь.

Потеряв в шумной толпе Эрмона и Клодин, Андрэ в одиночестве, но без усталости бродил по городу. Вскоре он вышел на улицу, называвшуюся Меса и начинавшуюся у главных городских ворот. Именно через эти ворота императоры выезжали усмирять непокорные народы, и именно через них они возвращались с триумфом. Сделанные из белого мрамора, с большими створками из полированной латуни, ворота сияли так, что их прозвали в народе Золотыми.

Повернув в обратную сторону, Андрэ вновь прошел город, достигнув главного храма Византийской империи – собора Святой Софии, и поразился не только удивительной легкости архитектуры и словно повисшему в воздухе гигантскому куполу, не только колоннам из белого мрамора и мерцающей мозаике, а той возвышенной радости глубокого религиозного чувства, наполнившего его в этом божественном месте. Сбросив с себя груз повседневных забот, он словно прикоснулся к великому, заново осмысливая свои поступки, свои грехи, движения своей души.

Желая сохранить наступивший в душе покой, да и несколько устав от впечатлений, Андрэ присел на каменную скамью на одной из наполненных суматохой улиц.

Вдоль улицы спешили прохожие, тщательно задрапированные в одежды из плотного разноцветного шелка, грохотали деревянными колесами по каменным плитам нарядно изукрашенные повозки. Впереди богачей, проезжающих на тонконогих скакунах, бежали слуги, ловко расчищая палками дорогу. Сверкали золотом вышивки седел. Непрерывно сновали уличные торговцы, пронося связки обуви, свертки тканей, пучки зелени.

– Сыворотка! Добрые покупатели, вот сыворотка! – прокричал над ухом Андрэ уличный торговец. Остановившись, он с любопытством разглядывал сидящего Андрэ, затем поправил висящую за спиной тыквенную бутылку, тряхнул стриженными «в кружок» волосами и, весело подмигнув, жестом предложил свой товар. Андрэ облизал пересохшие губы и пожал плечами – денег у него не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.